

Наталья Нолина

НЕУЧТЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ

КНИГА ВТОРАЯ
ЯРОСТНЫЙ ВЕТЕР

Наталья Нолина

**Неучтённая личность. Книга
вторая. Яростный ветер**

«Автор»

2026

Нолина Н.

Неучтённая личность. Книга вторая. Яростный ветер /
Н. Нолина — «Автор», 2026

Алексей — обычный человек, уставший от собственной незаметности, бытовой повторяемости и ощущения, что настоящая жизнь проходит где-то рядом. Внутри него давно живёт потребность стать кем-то большим: не просто Алексеем из привычного мира, а героем, избранником, человеком, которому предназначены любовь, подвиг и особая судьба. Эта внутренняя жажда постепенно начинает менять его восприятие реальности.

© Нолина Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Нереальная реальность	9
Глава 2. Плен	24
Глава 3. Побег	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталья Нолина

Неучтённая личность. Книга вторая. Яростный ветер

Пролог

Около полудня Лёха вернулся домой с очередной халтуры. Летом он всегда подрабатывал: брал фриланс и ездил к клиентам настраивать компьютеры. Сегодня попалась щедрая клиентка: вдобавок к оплате она подарила ему коньяк и коробку конфет.

Лёха бросил рюкзак с презентом на диван, скинул влажную от липкой жары одежду и с досадой вспомнил, что вчера пообещал пойти с друзьями в театр на сомнительную «Сублимацию». Настроение сразу испортилось. При такой жаре — на пляж бы, а не в театр. Что за удовольствие — сидеть в душном зале, разглядывать актёров между причёсками солидных дам, напрягаться, вслушиваясь в реплики, и ждать, когда это мучение наконец закончится?

Поток сожалений не отпускал его ни за обедом, ни потом, когда он валялся на кровати с книгой Билла Гейтса «Бизнес со скоростью мысли», на внутренней обложке которой Лёха высокомерно вывел: «Я тебя сделаю, Билл».

Он злился, что поддался на уговоры, но не признавался даже себе, что согласился пойти ради будущих понтов перед однокурсниками. Хотелось потом небрежно бросить в разговоре: «А, “Сублимация”... Очередной эксперимент непризнанного гения. Впрочем, было круто. Можете сходить ради прикола, если попадёте в число избранных».

Димка не зря обмолвился, что в зале будут только избранные. Кем избранные, почему — не объяснил. Лёха представил себя среди этих «избранных», и уголок рта сам собой дёрнулся в довольной ухмылке. Где Димка раздобыл билеты? Наверняка богатенький папаша подогнал. Всё-таки надо пойти.

При мысли, что вскоре он прикоснётся к забавам элиты, Лёха ощутил лёгкое волнение и прилив энергии. Он резво вскочил и помчался в душ. После душа долго сушил феном длинные, густые, слегка выющиеся тёмно-русые волосы. Потом нервно порылся в шкафу и вытащил чистые джинсы и новую ярко-красную рубашку с серым зайцем в обмундировании лётчика на спине. Из прорезей шлема торчали длинные заячьи уши. Дурашливая картинка Лёхе не нравилась, поэтому рубашка до сих пор ни разу не надевалась. В шкафу было полно футболок, а рубашек — раз-два и обчёлся.

Он громко, чтобы услышала мать, крикнул: — Мам, а где моя синяя рубаха?

— В стирке, — донеслось из кухни.

Мать сутилась и то и дело оглядывалась на часы. Она опаздывала на работу, но всё никак не могла оторваться от домашних дел. Лёха нехотя снял с вешалки рубашку с зайцем. Он предпочёл бы надеть любимую синюю, о которой Юлька как-то сказала, что этот оттенок делает его серо-голубые глаза заметно ярче.

— А красная нормально в театр? — крикнул Лёха в сторону кухни и скептически посмотрел на зайца.

— Сойдёт, — равнодушно ответила мать и тут же спросила: — А какой театр-то?

— Театр Солиста. «Сублимация».

— Не ходи! — испуганно крикнула мать уже из прихожей. — Говорят, это настоящий кошмар. Они там экспериментируют, а нам потом слёзы лить. Не ходи.

Лёха, застёгивая пуговицы на красной рубашке, лениво и не слишком уверенно сказал: — Да ладно тебе, всё нормально будет.

Мать заглянула в комнату: — Ну смотри. Если что не понравится — сразу уходи. И поешь с собой возьми: в театрах-то буфеты дорожные. Я тебе там бутерброды сделала.

Лёха скривился: кто же в театр с бутербродами ходит? На случай буфета он сунул в карман джинсов две пачки — вдруг Юлька попросит шоколадку или минералку. Хотя, кольнула ревнивая мысль, Димка наверняка перехватит инициативу.

Когда мать ушла, Лёха одобрительно осмотрел своё отражение в зеркале и стал ждать звонка. Контейнер с бутербродами он бросил в рюкзак, где уже лежали коробка конфет и бутылка подаренного коньяка. «Не утает», — резонно подумал он.

Чтобы блеснуть осведомлённостью перед Юлькой, Лёха ввёл в ноутбук запрос о театре Солиста. На экране высочили бесполезные ссылки про солистов оперы и оперетты, а потом — страницы в соцсетях. Лёха лениво листал их, сидя на подоконнике, пока не наткнулся на страницу с единственным отзывом. То, что он прочитал, его озадачило.

«Это какой-то эмоциональный аттракцион, честно. Сначала вообще не понимаешь, что происходит — тебя просто накрывает. Рассказать невозможно, да и нельзя. Это не спектакль, где можно чиллить и смотреть на декорации. Тут тебя реально немного вскрывают. В общем, театр странный, но клёвый. Если готовы словить экзистенциальный шок и немного пострадать за свои деньги — вперёд!»

Дальше читать было некогда: во двор въехала Димкина машина. Лёха тут же захлопнул ноутбук, сорвался с места и через минуту уже был на улице.

Друг детства встретил его насмешливой фразой: — Ну, Лёха, ты как клоун в этом прикиде! Не на карнавал едем — в театр идём, Зайчик-пилот!

— А что не так? — оправдывался Лёха, плюхаясь на переднее сиденье рядом с водителем. — Чистая... новая рубашка. Сами же подарили!

— Так ради прикола, — усмехнулся Димка. — Зайчик на спине уж больно на тебя похож. Такой же испуганный.

— Сам ты испуганный, — обиделся Лёха.

Димка пихнул друга в плечо, одновременно резко вывернул руль и едва не влетел в бензовоз.

— На дорогу смотри, стилист хренов! — вскрикнул Лёха.

Димка нервно хохотнул:

— Бензовоз офонарел — несётся, как на ралли. Что, струхнул, зайчишка? Релакс — всё под контролем.

Лёха пристегнул ремень и укоризненно сказал: — Хорош мажорить. Я ещё не устал от жизни — у меня есть чему порадоваться.

Он вытащил из рюкзака бутылку коньяка и с гордостью спросил:

— Ну как?

Димка бросил мимолётный взгляд на бутылку и недовольно буркнул:

— Вот ты гад, Лёха! Я ж за рулём.

— А нам с Юлькой можно, — ехидно пропел Лёха.

— Я ж и говорю: гад.

Юлька уже ждала у подъезда. Она стояла в коротком шёлковом платье с широким ремешком и держала большую, совсем не театральную сумку — будто собралась не в театр, а в магазин. Она была в приподнятом настроении и всю дорогу смеялась над дурацкими шутками парней.

Друзья выехали на Московское шоссе и понеслись в сторону Любани. После Тосно машина свернула к Тарасово и дальше пошла через сосновый лес и грунтовку между полями, поросшими травой и кустами. По одну сторону дороги тянулась жиденькая лесополоса. Неожиданно за поворотом, на краю картофельного поля, показался глухой высокий чёрный забор.

За ним возвышалась макушка странного серебристого сооружения. По форме оно напоминало корабль пришельцев, а ломанные грани на солнце блестели, как мятая фольга.

— Это и есть твой хваленый театр пресловутого Солиста? — задиристо спросил Лёха.

— В глуши, — добавила Юлька капризным голосом, копируя героиню фильма «Безымянная звезда». — И ни одной живой души.

Димка молча, неторопливо припарковался на обочине, стараясь встать в тень, заглушил мотор, поднял ручник, отстегнул ремень безопасности, повернулся всем корпусом к друзьям и спокойно произнёс: — Не делайте поспешных выводов, коллеги. Сначала факты соберите.

Лёха уже снимал на телефон картофельное поле, забор и странную конструкцию. Он приоткрыл дверцу и выглянул наружу.

— Мы чё, первые приехали? — пробурчал он. В машину дохнуло жарой, будто горячим феном. Он тут же захлопнул дверь. Выходить пока не хотелось — в салоне было прохладно.

— Рано прикатили, — недовольно сказал он. — Чего целый час делать?

Он обернулся к Юльке и подмигнул ей.

— Уймись, Казановский, — фыркнула она. — Я тебе уже занятие нашла: цветочков собери. Подаришь актрисам после спектакля.

Лёха усмехнулся, вытащил из рюкзака бутылку и повернул этикеткой к друзьям.

— Help yourselves. Хлебнём для храбрости?

— Фу, коньяк, — Юлька замахала рукой. — В такую жару это самоубийство.

— Да ты глянь: элитный, тридцать лет, — с важным видом протянул Лёха, пытаясь по слогам выговорить название.

— Шато де Монтифо, бестолочь, — поправил Димка. — Откуда у тебя такое? Не палево?

— Настоящий. Презент, — Лёха оцетинился. — С утра к одной мадам ездил на заказ. Комп починил, кнопку нажал — и вот, благодарность.

— За кнопку нажать? — хмыкнул Димка.

— За моё драгоценное время, — огрызнулся Лёха. — Два раза за утро вызывала.

Юлька с ехидной усмешкой заметила: — Может, мадам на тебя запала. Скучает она по тебе, Лёшенька.

Лёха смешался, отвернулся к окну и полез из машины.

Они нашли тенёк среди ёлок. Лёха достал контейнер с бутербродами и коробку конфет.

— Ну что, дегустируем? — сказал он и плеснул коньяк в пластиковые стаканчики.

— За страшные и опасные приключения, — провозгласил Димка.

— За дружбу с инопланетянами, — подхватил Лёха и выпил.

Юлька пригубила, поморщилась и поставила стакан на пенёк.

— Нет, Лёха, это всё-таки контрафакт, — вынес вердикт Димка, вертя бутылку в руках.

— Сам ты контрафакт, — буркнул Лёха.

Они закусили бутербродами и конфетами, размягчившимися от жары. И тут Димка вдруг помрачнел.

— Ребята, к билетам прилагалась инструкция. Там есть пункт: алкоголь не принимать за сутки до представления.

Лёха коротко рассмеялся: — А мы не за сутки. Мы за час.

— Шутки шутками, — сухо сказал Димка, — но на персонал не дышим. Рты закрыли, вопросов не задаём. Может, пронесёт.

Тем временем у дороги припарковалось ещё несколько дорогих иномарок. Небольшие группы гостей тянулись вдоль чёрного забора и одна за другой исчезали за массивными воротами. Ребята поспешили следом.

У ворот их встретил человек в бордовой униформе. Забрав билеты, он сказал: «Следуйте за мной» и направился к сооружению, покрытому полированным серебристым металлом с эффектом памяти.

Внутри у Лёхи неприятно похолодело. В голове ни с того ни с сего всплыла чужая фраза: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Он сам не понял, откуда она взялась, и отмахнулся от неё как от бреда.

Глядя на огромную серебристую конструкцию, Лёха вдруг подумал, что она не стоит, а будто парит в воздухе и даже слегка покачивается. Он наклонился, чтобы заглянуть под днище, и действительно не увидел никаких опор. Волнение усилилось.

Лёгкая металлическая лестница без перил вела к чёрному овальному проёму. Гид поднялся по ней первым. Внутри сооружения было сумеречно, но, вопреки ожиданиям, свежо.

После подписания документов — это ещё больше напугало Лёху — гид попросил всех закрыть глаза и повёл ребят по тёмному коридору.

Лёха шёл следом за Димкой и из любопытства подглядывал: в полумраке мелькали силуэты людей в униформе, стоявших вдоль стен. Ему так и хотелось спросить: «Чуваки, к чему такой антураж?», но он молчал и вслед за Димкой шагнул в зал, в крошечную тьму.

Лёха остановился в растерянности. И куда теперь?

Неожиданно чужие руки подхватили его с двух сторон и усадили в мягкое массивное кресло. Лёха громко выругался и почувствовал, как широкие ремни безопасности плотно обвили тело.

— Юлька, ты где? — сипло спросил он, но никто не ответил.

— Сублимация, блин, — недовольно проворчал Лёха, тревожно ёрзая в кресле.

В тишине прозвучал голос гида: — Откроете глаза по моей команде.

И Лёха отключился.

Глава 1. Нереальная реальность

Через мгновение Лёха пришёл в себя. В голове всё ещё дрожала фраза: «Откроете глаза по моей команде». Лёха не понимал, зачем эта команда и прозвучала ли она. Он попытался разлепить веки и сумел открыть только правый глаз. Левый был чем-то прижат. Лёха лежал, уткнувшись лицом в какие-то влажные тряпки, от которых несло сыростью, плесенью и чем-то совсем уж отвратительным. Тело казалось чужим и непослушным, а голова гудела, как раскалённый колокол.

Снаружи стоял шум, густой, многослойный: писк, хриплые выкрики, шорохи. И сквозь всё это пробивался один звук — прерывистый, влажный, вибрирующий. Он раздражал сильнее всего, прямо сверлил мозг.

Лёха приподнял голову.

Перед ним была плетёная стена. Сквозь узкие щели просачивался свет — не ровный, а рваный, дрожащий, будто снаружи что-то двигалось.

«Где это я?» — мелькнуло в сознании.

Мысль резанула так остро, что Лёха снова уронил голову в тряпки.

Несколько секунд он лежал неподвижно, пытаясь убедить себя, что сейчас всё прояснится. Сейчас он вспомнит. Димка. Юлька. Он куда-то поехал с друзьями. А дальше — полная пустота.

— Да ну нафиг... — прошептал он.

Лёха с трудом опёрся на локоть и бессмысленно оглядел тесное помещение. Перед глазами плавали грязные пятна.

Сарай. Похоже на сарай. Только почему он в сарае? Ответа не было. Он кряхтя сел.

Под ним оказался грязный тюфяк. Лёха медленно перевёл взгляд: плетёные стены, сваленные в углу ветки и тряпьё, бурый таз с рваными краями... Ни окна, ни двери. И вдруг взгляд наткнулся на женщину, лежавшую рядом. Женщина спала.

Лёха застыл. По спине пробежал ледяной ужас, такой плотный, что даже дышать стало трудно.

Неизвестная особа, бомжеватая и потрёпанная, лежала на спине, раскинув руки и ноги. Сальные спутанные волосы разметались по тюфяку. Нижняя челюсть отвисла, и из горла вырывалось влажное храпение. Иногда губы у неё смыкались, щёки надувались на выдохе, и тогда воздух прорывался сквозь щель с тихим мерзким пыхом.

Вот он, тот самый звук, который его так раздражал. Лёху передёрнуло.

На левой руке женщины, чуть выше локтя, чернела татуировка — след ботинка.

Лёха перевёл ошарашенный взгляд с татуировки на влажное смуглое плечо женщины с огромным синяком, на спущенную лямку зелёной сорочки, на бурый замызганный плед, прикрывавший её до пояса. Не веря глазам, парень вцепился онемевшей рукой в подбородок и до боли сжал его.

В голове застучало: «Где я? Как здесь оказался? Что за баба?»

Мысли заметались, как перепуганные крысы, и в голову одно за другим полезли самые мерзкие предположения. Первое и самое очевидное: его накачали дурью. Иначе как объяснить, что он оказался в этом вонючем сарае рядом с незнакомой старой, потрёпанной бабой, которую он видел впервые в жизни?

Пятьдесят? Больше. Пожалуй, сильно больше.

— Акапулько, блин... — выдохнул он беззвучно.

Допрыгался, дебилоид. Повеселился. Где он вчера шлялся? Что вообще произошло?

«Надо срочно валить», — метнулась мысль.

Он лихорадочно искал глазами выход, но взгляд снова и снова наткнулся на спящую бабу, и от этого по коже шли мурашки. Вместе с этим приходила новая, ещё более мерзкая мысль: а вдруг он с ней...

Паника накатилась новой волной.

— Нет, нет, нет, — прошипел Лёха. — Не было. Не могло быть.

Он осторожно сполз с тюфяка — и тут же с облегчением понял, что полностью одет. Джинсы на месте. Рубаха на месте. Даже обувь на ногах.

Нормально. Всё нормально. Но внутри всё тряслось и кипело, а дверь он по-прежнему найти не мог.

Лёха уже готов был разразиться матом, однако прикусил язык и только зло сжал челюсти. И тут же разозлился на Димку.

Наверняка это он — кто же ещё? — затащил его в очередную авантюру, сволоочь, а сам теперь где-нибудь ржёт.

«Ну, гад, полна задница идей, — мысленно процедил Лёха. — Ты у меня получишь».

Лёха не удержался, достал телефон и, почти машинально, сделал селфи на фоне спящей женщины. Потом щёлкнул её отдельно. Для доказательства.

И только когда опустил телефон, заметил канат. Серый, лохматый, засаленный, он свисал из дыры в потолке. Лёха медленно поднял взгляд. Дыра была единственным нормальным выходом.

— Ага, — пробормотал он. — Похоже на квест.

Лёха резко вскочил — и тут же потерял равновесие. Комната дёрнулась. Пол под ним странно качнулся, и парень тяжело рухнул обратно на тюфяк.

Он замер, прислушиваясь к своему телу.

«Какого чёрта штормит?»

В горле пересохло. На мгновение Лёха подумал, что это у него внутри всё плывёт от страха. Но нет — сарай действительно двигался. Женщина на тюфяке хрюкнула во сне и, не просыпаясь, перевернулась на бок, оголив толстые ноги.

Лёха снова попытался встать, теперь уже осторожно, держась за стену. Комната опять накренилась, словно лодка под ногами. Из бурого тазика выплеснулась жидкость и просочилась сквозь пол.

Парня бросило в холод — происходило что-то непонятное. Это не обычный сарай!

Лёха стоял, выжидая, пока утихнет качка, и медленно двинулся к канату. Он шёл, широко расставляя ноги, балансируя при каждом шаге. Стараясь не задеть спящую женщину, он схватился за канат, подтянулся и вылез на чердачок под низкой двускатной кровлей.

Со стороны фронтона выход прикрывала маленькая скособооченная дверца.

Внизу женщина громко всхрипнула, потом закашлялась. Лёха сжался, как воришка, застигнутый на месте преступления.

— Кто здесь? — сонно и испуганно прохрипела она.

Лёха сорвался с места.

Проём был низкий, парень пригнувшись, дёрнул дверцу — и в тот же миг весь этот странный сарай накренился. Лёха потерял опору, ударился плечом обо что-то твёрдое и кубарем полетел вниз.

«Я ж на чердаке!» — запоздало ухнуло в мутной голове.

Он всё летел и летел, хотя давно уже должен был удариться о землю. Перед глазами мелькали белые, чёрные и зелёные пятна. Он цеплялся за всё, что попадалось под руку, но не мог ни за что удержаться. Потом что-то мокрое и упругое толкнуло его в спину, подбросило вверх, замедлив падение.

И в этот миг Лёха сумел схватиться за какую-то палку. Палка была гибкой и упругой и напоминала шест прыгуна.

Он повис на ней — руки вытянуло так, что плечи будто вывернули из суставов. Мелькание перед глазами остановилось, и Лёха увидел картину совершенно невообразимую.

Палка, за которую он ухватился, торчала из массивного чёрного бревна.

Но это было не бревно. Это было не понятно что.

Лёха зажмурился и снова открыл глаза, надеясь, что видение исчезнет. Но оно не исчезло. Наоборот, стало обрастать новыми деталями.

Впереди белела огромная бугристая стена, вся в трещинах и выступах. Из неё веером расходились чёрные толстенные брусья, утыканные палками. На конце каждой палки подрагивала огромная зелёная чаша с неровными краями. Лёха держался за палку с такой же чашей. Чаша покачивалась, и из неё выплескивалась прозрачная жидкость.

Лёха боялся взглянуть куда-либо ещё, страхась увидеть нечто ещё более необъяснимое.

Постепенно до него стало доходить: белая стена — это ствол. Чёрные брусья — ветви. Зелёные чаши — листья. А сам он — на дереве.

Из последних сил парень подтянулся, рывком закинул ногу на бревно и с трудом перевалился на него. Поверхность оказалась мокрой и скользкой. Одной рукой, чтобы не съехать вниз, Лёха вцепился в черешок гигантского листа.

Оказавшись в относительной безопасности, он смог наконец выдохнуть, но мышцы всё ещё непроизвольно подёргивались, а по телу волнами прокатывался неприятный колющий озноб.

Лёха посмотрел вниз.

Он лежал высоко на ветке какого-то исполинского дерева, так высоко, что закружилась голова.

От накотившего ужаса разум помутился, руки и ноги сделались ватными, и только сердце бешено колотило в грудную клетку. Лёхе захотелось перекреститься, но он не мог даже шевельнуть пальцем.

Мир вокруг поплыл, завибрировал, зашатался. Разум отказывался принимать то, что видел. Внутри образовалась пустота, а в голове заматались редкие, рваные мысли. Этого не может быть. Так не бывает. Не бывает такого дерева.

Подавленное желание завывать от отчаяния жгло где-то в горле, и вместо крика из него вырывался только хриплый, рваный стон вперемешку с короткими ругательствами.

Когда мир перестал кружиться, он осмелился оглядеться.

Чёрные мощные ветви расходились лучами от чёрного кольца, опоясывающего ствол. Такие же кольца и ответвления уходили ярусами вверх и вниз. Ветви становились тоньше к концам, изгибались вниз и превращались в чёрные пористые мочалки, над которыми роились насекомые размером с ладонь.

В том месте, где ветви сливались в кольцо, густо вилась светло-зелёная поросль, похожая на лианы. Тонкие лозы с пышными салатowymi листочками заползали на ствол, ветви, свисали вниз.

Из гнёзд, устроенных прямо в древесине, выглядывали незнакомые птицы. Они прыгали в лианах, хлопали крыльями и орали так оглушительно, что у Лёхи начали болеть уши. Птичий гвалт не умолкал ни на минуту.

Лёха вывернул шею и посмотрел вверх.

Над ним, прячась за гигантскими листьями, висел плетёный домик, из которого он только что вывалился.

Он попробовал позвать женщину.

Ответа не было. Его крик утонул в какофонии птичьих голосов.

Лёха замер, прижавшись к бревну, и засмотрелся на одну из листовых чаш, где по самому краю бортика ползло нечто неонового-голубое. Существо было бесформенным, склизким, пульсирующим. Оно медленно передвигалось, оставляя за собой липкий сопливый след.

Смотреть на него было до тошноты неприятно.

— Это глюки... — едва слышно прошептал Лёха. — Глюки. Надо просто подождать. Сейчас отпустит.

Он отвернулся, но лучше не стало. В любом другом месте глаза цеплялись за что-нибудь ещё более отвратительное: за гусеницу с вибрирующими щупальцами, за прозрачного жука, у которого просвечивали все внутренности, или за мерзкую прыгающую тварь с шипами, которую разум отказывался признавать.

В конце концов Лёха закрыл глаза и пролежал так, как ему показалось, целую вечность.

Он представлял свой трагический конец: истлевший скелет в красной рубашке, обнимающий ветку неизвестного нашему миру дерева. И рядом была нацарапана надпись: «Здесь был Лёха. Дебил».

Мокрая рубаха холодила спину и не давала окончательно уплыть в беспамятство. Поверхность бревна тоже не высыхала. То ли само дерево выделяло сок, то ли местный тёплый воздух был настолько насыщен влагой, что вода постоянно конденсировалась на прохладной древесине, то ли ветку залило водой из листьев-тазиков. Лёха занял мысли этой проблемой, лишь бы не думать о том, где он находится.

Потом решил перебраться к площадке у ствола. До неё было не так уж и далеко, метров семь. Недалеко, если, конечно, не смотреть вниз.

Он пополз вперёд, не дожидаясь, пока поверхность подсохнет. Ветка постепенно расширялась, и вскоре её уже нельзя было обхватить ногами. Одно радовало: она перестала быть скользкой.

Наконец Лёха добрался до площадки, где росли лианы. Он ухватился за стебли, чтобы подняться, и тут же вскрикнул: сотни мелких острых колючек впились в ладони.

От боли он дёрнулся, едва не свалился, но в последний миг успел извернуться, рухнув спиной в колючие заросли.

— А-а-а! — взвыл он. — Чертовщина! Гейма хренова!

И тут же зацепился за эту мысль.

Да, да! Гейма. Игра.

От этой версии стало чуть легче. Совсем немного, но всё же легче. Должно же быть объяснение. Может, это какой-то виртуальный мир? Может, эксперимент? Всё, что угодно — только не настоящее стометровое дерево.

Лёха даже потрогал лицо, проверяя, нет ли на нём шлема.

Шлема не было. И всё же...

А вдруг он и правда попал в виртуальную реальность? Вдруг на нём испытывают новые технологии? Может, уже существуют VR-линзы? Он потёр глаза. Линз тоже не было. Но всё, что он видел, походило на игру. А играть Лёха любил.

Вот только где управление? Где меню? Где хоть какая-нибудь подсказка? И неизвестно, какая у него миссия. Кого спасти? Куда идти?

И как выбраться из этой невозможной, жуткой виртуальности?

Лёха медленно выдохнул, чувствуя, как страх понемногу уступает место сосредоточенности.

— Разберёмся, — пробормотал он уже чуть увереннее.

Главное — он жив, а пока жив, сдаваться нельзя.

Если считать происходящее игрой, старт вышел так себе: он на фантастическом дереве на высоте, примерно, пятого этажа, ни еды, ни снаряжения нет. Из ресурсов — только крепкие руки и умная голова. Ну, так он сам о себе подумал.

Лёха проверил карманы. В игре, а может, и не только в игре, важна каждая мелочь. Нашлись ключи с флешкой-ракетой, две пятачки, десятирублёвая монетка и подмокший

носовой платок. Из полезного — разве что платок. Он бросил его на лианы сушиться, остальное распахивал обратно.

Мобильника не было. Скорее всего, он вылетел при падении.

— Супер, — пробормотал Лёха. — Хардкор без сохранений.

Если жизнью у него в этой игре несколько — отлично. Но рассчитывать стоит на одну. Значит, действовать надо как в реальности: медленно, осторожно и без глупого героизма.

Первая задача была очевидна: спуститься с дерева.

Лёха посмотрел вниз, и у него снова затряслись поджилки. До земли — метров пятнадцать, если не больше, а у него ни страховки, ни верёвки, ни лестницы. Лианы оплетали только кольцо яруса, ниже их не хватало. Чтобы добраться до ствола, придётся поднырнуть под чёрный выступ и дальше лезть по бугристой белой поверхности. Ствол выглядел пористым, весь в трещинах и наростах. Зацепы были, и это немного обнадеживало.

Лёха дёрнул несколько лиан изо всех сил — они держались крепко. Колючки неприятно впивались в ладони, но легко обламывались, если провести рукой вниз.

— Ладно, — сказал он. — Деваться некуда.

Он снял обувь, помял подошву. Дешёвые кроссовки, довольно поношенные, гнулись плохо, но задник был высокий, надёжный, плотно облегал пятку — не соскользнёт.

— Вы же меня не подведёте? — спросил он.

Кроссовки молчали. Значит, он ещё не окончательно псих.

Лёха натянул обувь на босую ногу, а носками обмотал ладони. Потом высвободил из зарослей несколько длинных плетей, очистил их от колючек и листьев и сбросил концы вниз. Длины хватало, чтобы подобраться к стволу под выступом.

Сдвигая колючки, он заметил, что листики выделяют липкий сок. Немного подумав, Лёха натёр соком ладони и подошвы кроссовок.

— Ну всё, — пробормотал он. — Человек-паук готов.

Он повис на лианах, раскачался и нырнул под чёрное кольцо яруса. Одной рукой сразу удалось зацепиться за расщелину в стволе. Теперь главное — не ошибиться.

Лёха нашёл опору для ноги, прижался всем телом к белой бугристой поверхности и поставил на выступ вторую ногу. Потом, затаив дыхание, отпустил лианы и ухватился второй рукой за щель.

Сердце бешено скакнуло к горлу.

Нельзя, нельзя сейчас давать волю страху. Нельзя, чтобы поплыло сознание.

Ствол оказался не совсем отвесным: у поверхности был небольшой уклон, будто дерево сужалось кверху. Аккуратно передвигаясь и проверяя каждый бугорок, каждую трещину, Лёха добрался примерно до середины пути между третьим и вторым ярусом.

И тут из расщелины, за которую он держался, высунулась птица и больно клюнула его в плечо.

Лёха непроизвольно дёрнулся, вспотевшие пальцы не удержали его, и он полетел вниз.

Ну, вот и всё! — мелькнуло в голове, однако заросли лиан нижнего яруса смягчили падение. Лёха вцепился в лианы, не обращая внимания на боль от колючек, впившихся в ладони. Прерывисто дыша, обливаясь холодным потом, он выбрался из зарослей, и, обессиленный, присел на площадке. Сердце колотилось так, будто хотело выскочить наружу. Лёха понимал, что в следующий раз может и не повезти. Надо было что-то придумывать, чтобы потные ладони не скользили. До земли было ещё далеко.

Неподалёку на ветку села другая птица — белая, размером с гуся. На голове у неё зеленела «косыночка», шею обвивала оранжевая полоса, а под крыльями болтались два полупрозрачных мешка с рыбой.

«Где-то рядом вода», — машинально отметил Лёха.

Птица показалась подозрительной.

— Может, ты мне скажешь, что происходит?

«Если птица ответит, то это точно глюки, — придумал он сам себе тест и снова спросил птицу: — Как тебя зовут?»

Птица не ответила. Она заорала, расправила крылья и сделала угрожающий выпад.

Лёха испугнул её, и та перелетела выше. От взмаха крыльев забытый наверху платок сорвало с лиан и сбросило ниже на лианы. Лёха полез за ним и только тогда услышал тонкий писк.

В зарослях оказалось гнездо с двумя птенцами. У обоих на головах были такие же «косыночки», как у взрослой птицы, только серые.

Вокруг гнезда лежал белый порошок. Лёха растёр его пальцами. На ощупь — почти магнезия.

— Спасибо, птички, — сказал он с искренней благодарностью.

Он связал из платка мешочек, набил порошком и привязал к ремню джинсов. Теперь можно было продолжать спуск и хотя бы не бояться, что пальцы заскользят.

Второй ярус он прошёл уже осторожнее. Белый порошок помогал. Лёха двигался медленно, теперь проверяя каждую щель. Земля приближалась, и с каждым метром он всё яснее понимал: возможно, выживет.

На последних метрах он уже почти не боялся. Даже если сорвётся, должен остаться жив. Но он не сорвался.

Когда под ногами наконец оказалась влажная упругая почва, Лёха несколько секунд просто стоял, прислонившись к стволу. Потом выдохнул и дружески похлопал по стволу дерева. Это была победа. Настоящая.

Сейчас он с благодарностью вспомнил Димку, который таскал его на скалодром и приговаривал:

«Учись, Казанова. Вдруг от ревнивого мужа придётся удирать с десятого этажа».

Тогда Лёха смеялся, но сейчас этот навык спас ему жизнь.

Немного отдышавшись, он обошёл дерево. Ствол оказался толщиной с небольшой дом. Между корней Лёха нашёл свой смартфон — аппарат лежал в неглубокой лужице.

— Да чтоб тебя...

Новенький мобильник был мокрый и мёртвый. Лёха вытряхнул воду, обтёр корпус рубашкой, разобрал аппарат и распихал детали по карманам. Очень хотелось сфотографировать этот лес, но цивилизация, похоже, временно отдыхает.

Он вымыл в лужице израненные руки, натянул носки, заново зашнуровал кроссовки и только после этого как следует огляделся.

Белые стволы, похожие на выщербленные скалы, уходили в небо. Чёрные ветви смыкались над головой почти сплошной крышей. Огромные чашеобразные листья висели вверху, как зелёные колёса. И на каждом дереве — по одному, по два, иногда по три — висели плетёные домики. Будто игрушки на ёлке.

— Классный триллер, — пробормотал Лёха. — Надо Димке позвонить.

И тут же вспомнил про мокрый телефон.

— А, ну да. Цивилизация закончилась.

Лёха пошёл, сам не зная куда.

Он перебрал в голове все известные ему гигантские деревья.

«Баобабы? Сам ты баобабы. Секвойя? Под Питером? Ага, шас».

Белые стволы с чёрными ветвями и листьями-чашами не походили ни на баобабы, ни на секвойи. Да и вообще ни на что, что могло расти в нормальном мире.

Почва пружинила под ногами, как мягкое пористое покрытие. Сначала Лёха шёл осторожно, потом ускорился, потом побежал. Земля будто сама подбрасывала его, шаги становились длиннее, тело — лёгким, почти невесомым.

Чёрные ветви белоствольных деревьев образовывали над головой сплошную решётку. В просветах мелькало непривычно розовое небо. Птицы с кудрявым неоновым оперением перелетали с яруса на ярус. Внизу росла разноцветная трава, плоские ажурные кусты напоминали гигантскую паутину. На деревьях всё так же висели домики — один над другим, один над другим, будто лес был застроен по вертикали.

«Мало ли кому нужны эти гигантские скворечники?» — подумал Лёха уже без прежней паники.

Но радость после удачного спуска быстро выдохлась. Лес не кончался.

Парень бежал, потом шёл, потом снова бежал — и всюду видел одно и то же: белые стволы, чёрные ветви, чаши листьев, домики, подвешенные на ветках. Фантастический лес был бесконечным.

Безответные вопросы опять закрутились в голове, но в черепной коробке возникали лишь бредовые объяснения. Если это не глюки, не сон и не игра, то что тогда? Кроме подозрения, что он по пьяни наглотался галлюциногенов, возникали предположения, что его похитили инопланетяне или, что ещё хуже, он уже умер и плутает в потустороннем мире, а в плетёных клетках обитают души умерших.

От таких мыслей Лёхе становилось не по себе. Из него то и дело вырывался сдавленный, беспомощный стон. Но где-то в глубине сознания зарождался, пока ещё не явный, еле слышный сигнал: будь осторожен, дурень, это не сон и не игра, а совсем иной, неведомый тебе, но вполне реальный мир.

— Разберёмся, — бормотал Лёха.

Слово было Димкино. Димка в любой ситуации спокойно говорил: «Разберёмся. Проблему надо преобразовать в задачу». И обычно действительно разбирался.

Только вот как превратить в задачу этот бред?

Через какое-то время Лёха снова достал телефон, надеясь, что тот просох и заработает. Но аппарат даже не включился.

— Ну конечно, — сказал он. — Размечтался.

Спустя пару часов он совсем сник. Солнце поднялось высоко, и свет ложился на землю яркими пятнами. Небо в просветах между ветвями стало уже не розовым, а бирюзовым. Птицы почти примолкли. Зелень, с утра прибитая к земле, расправилась и поднялась; местами трава доставала до пояса, и идти становилось тяжело.

Травинки тоже были ненормальные. Окрашенные во все цвета палитры, они охали и пищали, когда ломались под ногами.

Лёха шёл под визг и стон травы, постоянно оглядывался и вздрагивал от каждого нового звука. Иногда он не выдерживал, срывался и с воплем: — Заткнись! Заткнись! — начинал топтать говорящую траву.

Голова снова наполнилась тяжестью и совсем ничего не соображала. Фантастические гигантские деревья, развешанные на них плетёные домики, разноцветная стонущая трава, заросли ярко-лимонных кустов с гроздьями синих, неоновых светящихся звёзд, невиданные птицы и насекомые — всё угнетало разум, вызывало животный страх и сводило с ума.

Иногда на деревьях серой тенью мелькали люди. При появлении Лёхи они прятались, особенно когда он к ним взывал. Лёха орал что есть силы, просил о помощи, но никто не отзывался. Было непонятно, почему местные жители прячутся, зачем они поселились в висячих домиках и по какой причине никто не идёт на контакт. Может, это и не люди вовсе, а привидения? А вдруг дикари-людоеды? Больше всего пугала неизвестность.

Влажная земля парила, в лесу становилось всё жарче. Пот щекотал спину, лоб и виски. Лёха присел на выступающий корень дерева, устало прислонился к шершавому стволу, рукавом вытер вспотевший лоб и расстегнул рубашку.

— Эй, люди! — крикнул он, ни на что уже не надеясь. — Ау! Вы люди или безжалостные призраки?

Вслушиваясь в тишину, он зло прошипел себе под нос упавшим голосом:

— Сволочи!

В отчаянии парень обхватил разгорячённую голову руками и, стараясь не свалиться в пропасть нарастающего безумного ужаса, раскачивался туда-сюда, без конца повторяя истеричным, почти плачущим голосом одно и то же:

— Я не понимаю, сука, что происходит, сука! Я не понимаю! Откуда эта хрень? Дьявольщина! Дьявольщина!

Он всхлипнул и дурным голосом издал истошный вопль:

— А-а-а!

— Уах-чи-ри! — крикнула незнакомая птица в радужном оперении и, напуганная его воплем, вспорхнула с ветки.

И сразу после этого Лёха услышал удивлённый возглас:

— Мужчина?! Реальный!

Лёха вздрогнул, обернулся и никого не увидел. Он не понял, откуда донёсся голос.

Мужчина? Так его никогда не называли. Чаще всего к нему обращались: «эй, чувак», «парень», «молодой человек». Седовласые профессора в институте иногда именовали юношей, вкладывая в это слово уничижительный смысл: «Вы, юноша, совершенно не понимаете, о чём говорите». Такое он часто слышал на экзаменах. Однокурсники в шутку прозвали его Казановой из-за фамилии Казановский, да и не только из-за фамилии. Друг детства Димка часто поддразнивал, называя «мальчиком», а до недавнего времени Лёха вообще был «пацан», но никогда — «мужчина».

Снова послышался ласковый голос:

— Зачем ты на земле? Не боишься?

Лёха поднял голову и оторопел. На дереве, на чёрной глянцевой ветке, сидела нимфа, и от этой картины повеяло волшебной сказкой. Зелень её одежды с многочисленными завязками сливалась с листьями лиан, оплетающих ветку.

— Мужчина, я сейчас прыгну к тебе. Лови меня! — воскликнула незнакомка и неожиданно быстро соскользнула с высокой ветки.

Лёха едва успел вскочить и неуклюже подхватил девушку у самой земли. Она показалась ему слишком лёгкой для своего роста и комплекции. Лёха смотрел на незнакомку с нескрываемым восторгом, не веря своему счастью. Ему захотелось обнять её — этого ангела, сошедшего хоть и не с небес, но всё-таки сверху. Эта девушка сейчас была для него самым родным, самым желанным человеком в целом свете. Кроме того, девушка была ох как хороша.

Удивлённый её внезапным появлением и очарованный красотой, Лёха не мог вымолвить ни слова. Девушка с таким же восхищением смотрела на него. Волосы цвета медового янтаря плотной волной обтекали её сильные плечи, ниспадали до талии и блестели в солнечных лучах золотистыми и медными переливами.

«Как в японских аниме», — подумал Лёха, всё глубже проваливаясь в бездну восторга.

И лес, и домики уже стали не так важны и не так пугали. К тому же незнакомка говорила по-русски, значит, он дома. По крайней мере, в России. Это тоже обнадеживало.

Солнечные лучи падали девушке в спину, и казалось, что она сияет. Если бы он был поэтом, то именно о ней сказал бы: «гений чистой красоты» — или воскликнул, прикрывая глаза ладонью: «О нимфа, о видение!» Но Лёха, хоть и сочинял для себя песни, поэтом не был. Он облизнул пересохшие губы и вообще потерял способность говорить.

Красавица улыбнулась и пальцем провела по его груди в распахнутой рубашке. При этом девушка смутилась и мило хихикнула.

— Привет, — наконец смог вымолвить Лёха. — Ты наваждение или реальность?

Лицо девушки выражало искреннюю радость и неподдельный интерес.

— Я настоящая, — сказала она. — Можно я обниму тебя?

Не дождавшись ответа, она обняла Лёху, потом сделала два шага назад и кокетливо повернулась, будто собираясь уйти.

— Поймай, не уходи! — испуганно вскрикнул Лёха, всполошившись, что девушка может исчезнуть.

Она и правда побежала, игриво оглядываясь. Лёха бросился за ней, крича вдогонку:

— Стой! Не убегай! Мне нужна твоя помощь. Стой, поговори со мной!

— Нельзя! — пропела на ходу девушка, не оборачиваясь.

Как длинноногая газель, она легко, в грациозном полёте, перепрыгивала через мощные корни деревьев. Расстояние между ними всё увеличивалось. Нет, он её ни за что не упустит. Парень прибавил скорость.

Иногда «нимфа» останавливалась, оглядываясь, и у Лёхи от её красоты замирало сердце. Что за чудеса сегодня происходят?

Он почти догнал девушку, коснулся её плеча, но в этот миг споткнулся и упал. Чертыхаясь, быстро вскочил, однако нимфа уже была далеко.

— Да подожди ты! — иступлённо, почти в истерике, закричал Лёха. — Ты нужна мне!

Волшебная красавица, видимо уловив его отчаяние, остановилась и медленно пошла навстречу. Лёхе казалось, что она идёт, не касаясь земли. Завязки на её тонком платье развязались, оголив плечи. Парень ещё больше заволновался. Дыхание участилось, сердце замерло. Он и до этого был в полуобморочном состоянии, а теперь, околдованный чарующим видением, окончательно потерял голову.

Девушка подошла и быстрым изящным движением опустилась на землю рядом, глядя снизу вверх невинными глазами. Лёха застыл, не смея шевельнуться.

— Я тебе понравилась? — спросила она. — Ты пришёл за мной?

Лёха сглотнул.

«Это вообще нормально? — кольнула трезвая мысль. — Нормальные девчонки так себя не ведут. Зачем же она убегала?»

Девушка засмеялась чистым, почти музыкальным смехом, запрокинула назад голову, прикрыла глаза.

— Я не знаю, что со мной, — с придыханием сказала она. — Я мечтала о такой встрече, но я боюсь тебя.

Она метнула в сторону Лёхи быстрый взгляд и снова опустила глаза.

— Я первый раз за десять лет вижу реального мужчину.

— Я такую красоту тоже первый раз вижу, — проникновенно произнёс Лёха. — Не убегай, пожалуйста.

— Ты позвал меня... Я тебе нужна? Ну иди же сюда.

Она призывно протянула к нему руки, прервав все его сомнения. Лёхе казалось, что сама нежность зовёт его.

«Чёрт! Так не бывает!» — Он плюхнулся рядом на колени. — «Чёрт! Наваждение!»

Парень, широко открыв глаза, смотрел на полуобнажённое бесстыдство, но сама девушка почему-то представлялась ему наивной и целомудренной.

— Кто ты? — хрипло спросил он, пытаясь из последних сил сохранить остатки самообладания. — Ты мой сон?

Лёха коснулся рукой волос незнакомки.

— Я Сила́йса, — ответила девушка голосом nereиды.

Она вдруг извернулась на земле, как кошка в период гормональной бури, и на обнажившемся плече блеснула яркая татуировка: большой глаз с разноцветной радужкой, переливаю-

щейся, как мыльный пузырь. Лёхе почудилось, что и глаза девушки переливаются таким же разноцветьем.

«Колдунья!» — ахнул он от неожиданно вспыхнувшей догадки.

В мыслях опять всё завертелось, перемешалось: висячие домики, гигантские деревья, расписная трава, сказочная нимфа. Он дотронулся до руки Силайсы, желая убедиться, что девушка настоящая, но уловил напряжение и беспокойство, вдруг возникшие в её облике.

Из полузабытья Лёху вывел неожиданно резкий, тревожный возглас нимфы:

— Пикоры близко! Бежим!

Она живо вскочила и потянула за собой Лёху, всё ещё погружённого в омут потрясений. Они подбежали к ближайшему дереву. Силайса ловко, как кошка, вскарабкалась на первый ярус веток, хватаясь за колючие лианы голыми руками.

— Скорее лезь! — испуганно и настойчиво крикнула она сверху. — Скорее! Пикоры близко! Я их слышу. Растерзают ведь!

Лёха, не понимая, о чём она беспокоится и о каких таких пикорах говорит, растерянно стоял под деревом и наблюдал, как Силайса мечется наверху: то прячется в зарослях лиан, то выныривает из них, чтобы позвать его. Ему совсем не хотелось снова карабкаться на дерево, но, увидев испуганные глаза девушки, он всё-таки послушно полез по выщербленному стволу.

Как только Лёха оказался наверху, Силайса больно вцепилась ему в руку и силой затащила в укрытие. Колючие ветки до крови ободрали ему шею.

В густых сплетениях их прижало друг к другу. Разгорячённый Лёха чувствовал прохладную кожу её тела. Он приобнял испуганную красотку, давая понять, что с ним ей нечего бояться, но сам беспокойно спросил:

— Кто такие пикоры? Что это за место такое сюрное?

Силайса прикрыла ему рот ладонью:

— Тс-с-с...

Её пальцы царапали ему губы. Кожа на руках девушки была такой же грубой, как ветки лиан.

Внизу послышался шорох и тяжёлое фыркание вперемешку с рычанием. Лёхе не было видно, какие животные блуждали под деревом, но страх и возбуждение Силайсы невольно передались ему.

Судя по звукам, животные поместили территорию, поточили когти о дерево, слегка поцарапались друг с другом и через какое-то время ушли. Их рычание становилось всё глуше, но девушка ещё долго не разрешала Лёхе шевелиться и разговаривать.

— Где мы, чёрт возьми? — шёпотом спросил Лёха.

Но девушка, уткнувшись в его плечо, молча зажимала ему рот ладонью. От её волос приятно пахло сандаловым деревом. Лёха чувствовал биение её сердца. Или это его сердце билось так сильно, что заставляло забыть обо всём на свете? Стоять так молча, прижимая к себе красотку, было невыносимо волнительно.

Страхивая наваждение, он снова спросил:

— Что это за лес? Ты знаешь?

— Волшебный лес, — наконец пощекотала дыханием его ухо Силайса. — Они ушли? Я их очень боюсь. А ты не боишься? Без оружия... Ты такой смелый... и ещё... красивый! Ой, ты поранился...

Она лизнула царапину на его шее.

И тут на Лёху накатило. Он перестал думать о домиках, об испорченном телефоне, забыл, что заблудился в неведомом лесу. Мозг отключился, и управление жизнью взял на себя древнейший инстинкт. Лёха не удержался, коснулся губами виска Силайсы.

Она сама поцеловала его, а после вдруг отстранилась и по-деловому спросила:

— Как ребёночка назвать?

— Какого ребёнка? — не понял Лёха.

Неуместный вопрос отрезвил его.

— Которого я сейчас зачала, — уверенно сказала Силайса.

— Чего ты зачала? — грубо выкрикнул Лёха и нехорошо рассмеялся. — С какого перепугу?

— Ребёночка, — невинно хлопая глазами, повторила девушка.

«Вот дура!» — со злостью подумал Лёха. Ему стало невыносимо тошно, как будто испортили праздник.

— Мы ведь были близки... ты и я, — с улыбкой изумления объясняла ему, непонятливому дураку, Силайса.

— То есть ты хочешь сказать, что мы близко стояли друг к другу? — Лёха подавил нервный смешок; у него даже злость погасла от этого детского объяснения. Точно двинутая.

Силайса смотрела на него растерянным взглядом.

— Ну да, близко. Я знаю, что от близости с мужчиной рождаются дети. Так говорят.

Лёха с досадой сказал:

— У-у, как всё запущено! Тебе сколько лет-то?

— Восемнадцать через десять дней будет.

— Вот это прикол. — Лёха разочарованно отстранился. — Даже не знаю, чем тебя приободрить.

Ну почему они так? Почему вечно всё испортят? Силайса уже не казалась ему волшебной красивой. Обычная неадекватная баба. Сразу видно, что с башкой не дружит. Он разозлился на себя. Чего поплыл? Мало ему висячих домиков?

— Ты с Поркуса? Ты пилот? — задала странный вопрос Силайса, пытаясь в тесных зарослях завязать верёвочки на платье.

— Я студент. Я из Петербурга, — холодно ответил Лёха.

— С Поркуса? — повторила девушка.

— Из Питера, — раздражённо бросил Лёха, не понимая её вопросов.

— Где это?

— Санкт-Петербург, — машинально уточнил он.

Лёха осторожно выбирался из зарослей, стараясь не ободрать лицо и не порвать рубашку.

— Где этот Санкт-Петербург? — спросила Силайса, выбираясь следом. — На Поркусе?

Последний вопрос вывел Лёху из себя. Каком ещё Поркусе? Совсем глюканутая, — утвердился он в худших опасениях. Ах, паршиво как! Паршиво... Что за день такой? И всё-таки красивая, зараза! Даже в этих тряпках — чика! Дух захватывает! Жаль, неадекват. Но, может, хоть дорогу подскажет.

— А ты где живёшь? — спросил он как можно более бесстрастным тоном, хотя до сих пор ощущал волнение.

— Здесь, в Кургуре, в Волшебном лесу, — смешавшись, нехотя ответила Силайса и добавила так тихо, что Лёха еле расслышал: — Ты же видишь, я на карантине.

— Карантине? — вздрогнул Лёха. Его как водой окатили. — На к-каком карантине? — заикаясь, спросил он. — Что за Кургур? Никогда не слышал. Где это?

— Провинция Балбус.

— Где эта провинция?

— Я не знаю. Но точно на Лингоре. На нашей планете.

— Наш Питер тоже целая планета, — скороговоркой произнёс Лёха, осмысливая непонятную информацию, и как бы равнодушно, но на самом деле с затаённым страхом переспросил: — А чё за карантин?

На всякий случай он отступил. Девушка мечтательно протянула:

— Планета Питер...

Взгляд её затуманился, зрачки расширились.

— Какой такой карантин? Ты чем-то больна? — нервно повторил Лёха, стряхивая с лица невидимые микробы и потирая царапину на шее.

— Я здоровая. Я не преступница, я здесь за убеждения, — щебетала Силайса, пытаясь взять его за руку.

Лёха нервно отдернул руку, отодвигаясь от девушки, словно от прокажённой, однако дальше отступать по ветке побоялся. Силайса приблизилась к нему.

— Возьмёшь меня к себе на планету Питер? Пожалуйста! Выкупи меня. Забери меня отсюда! Мне здесь так одиноко и страшно!

Лёха с подозрением смотрел на новую знакомую, пытаясь прочесть в её глазах скрытые намерения. Дурные мысли, как тараканы, побежали в разные стороны. Он боялся повернуться к девушке спиной — вдруг толкнёт.

Выкупи... Вот везёт сегодня: то ретро-баба в клетке, то шизанутая красотка на дереве бред какой-то несёт. На карантине за убеждения... Больная или идейная? Может, сумасшедшая. «Забери меня» — и так сразу. Шустрая, однако, а на первый взгляд наивняк. Они бывают опасны, эти шизики. Их злить нельзя. Блин, что ей сказать-то, чтоб не психанула? Как пить дать столкнёт, если что не понравится. Зря он ступил на ветку.

Лёха принялся мягким голосом увещевать девушку:

— Нет, Силайса, куда я тебя заберу? Ты здесь живёшь, я — далеко отсюда. Наши проги несовместимы. Будь реалисткой. А ещё лучше объясни-ка, что это за место такое.

Силайса умоляюще сложила руки на груди.

— Я думала: раз ты сюда пришёл, значит, знаешь, что это за место. Значит, хочешь взять себе женщину с карантина на перевоспитание. Ты же звал меня, кричал, что я нужна тебе. Выкупи меня!

Она схватила его за руку и посмотрела в глаза таким пронзительным, просящим взглядом, что Лёхе с трудом удалось покачать головой, отказывая ей.

Голос Силайсы завибрировал, губы задрожали.

— Я ведь вышла к тебе, хоть это запрещено. Все боятся, а я вышла. Теперь меня точно накажут, если не заберёшь. У меня уже был один побег и два нарушения режима. Теперь не пощадят, на уровень выше поднимут. Я уже, итак, на третьем ярусе, а чем выше, тем страшней, тем опаснее спускаться, а не спускаться ещё хуже: можно с ума сойти в этой клетке. Выкупи меня! Ты же влюбился в меня. Влюбился. Я почувствовала. Наши сердца бились как одно. Мы не зря встретились!

Лёха отводил глаза. Он пытался оттеснить Силайсу, чтобы поскорей спуститься на землю.

— Вот чудная! Мы странно встретились, но мы совершенно чужие друг другу люди. Что значит — выкупи? Я, может, коварный, бездушный чел, а ты: влюбился... выкупи... Я никогда не влюбляюсь. Ты даже не знаешь, как меня зовут.

— Как тебя зовут? — тут же спросила Силайса.

Лёха назвал своё имя.

Она с нежностью повторила:

— Алексей... Ты не коварный, Алексей. Ты сильный, смелый, добрый, ты замечательный...

— Это ничего не меняет, — резко пресёк он поток неоправданных комплиментов, стараясь погасить внутри вдруг возникшее чувство протеста. — Лучше помоги выбраться из этого проклятого места. Что это за дебри?

Взгляд девушки, прежде восторженный, потух.

— Я же сказала: Волшебный лес. Зона карантина.

Она присела на ветку, опустила глаза. Лёха тоже сел рядом — так было больше шансов удержаться, если она вдруг разозлится и толкнёт его.

— Зона карантина... — эхом повторил он. — Понятно, что ничего не понятно. А кто живёт в этих домиках?

— Лесные птички, — грустно усмехнулась Силайса. — Нас так местные служители называют.

Лёха скривил губы, недовольно огляделся.

— Ну, да — лесные птички... чебурашки... — пробормотал он со вздохом. — Может, подскажешь, как выйти к дороге?

Девушка оглянулась.

— Надо идти туда, где солнце всходит. Это далеко и опасно. Пикоры кругом.

— Какие ещё пикоры? А люди где?

— Там, — Силайса махнула рукой куда-то в сторону, — в Кургуре.

Лёха окончательно расстроился. Всё ещё больше запутывалось, и он понял, что от Силайсы вразумительных объяснений не получит.

— Выведи меня из леса, — приказным тоном произнёс он, вставая. — А я тебе перстень подарю.

Он показал ей печатку на безымянном пальце.

— Я покажу дорогу, — согласилась Силайса.

Лёха встал, собираясь спуститься, но Силайса схватила его за ногу.

— Ты на землю? — взволнованно спросила девушка. — Не боишься пикор? А у тебя даже оружия нет. Я чуть не умерла, когда пикоры дерево царапали. Хорошо, что они не любят запаха дикой плёи и не лезут вверх.

Она вытащила из зарослей плетень с салатowymi листочками.

— Я не пущу тебя вниз, — решительно сказала она. — Мы здесь по земле не ходим.

Лёха похлопал девушку по плечу, ласково посмотрел в глаза и, пытаясь задобрить, спросил:

— Хочешь, вместе уйдём?

— Мне нельзя — сразу поймают.

— А мне надо идти, Силайса. Покажи дорогу, пожалуйста. Я ведь не смогу выкупить тебя, если здесь останусь.

Силайса опустила глаза.

— Тебя я научу, как выйти. Смотри: у листьев граона бортики разные. С южной стороны бортики намного выше, а с северной — ниже. Будем ориентироваться по листьям граона. Тебе надо идти на восток.

— Это, что ли, граон? — спросил Лёха, постучав пяткой по ветке.

Силайса кивнула.

— А дикая плёя — эти лианы?

Девушка встала, подошла к зарослям, сорвала несколько листиков, размяла в руках и провела по волосам парня и его одежде.

— Так будет лучше, но на землю всё равно страшно спускаться. По веткам пойдём?

— Только по земле, — твёрдо сказал Лёха.

— А если пикоры? — испуганно воскликнула Силайса.

— Тогда снова заберёмся.

— А если не успеем?

— Жить захочется — успеем.

— А пикорам всё равно, хочется нам жить или нет. Но я согласна: по веткам будет слишком долго.

Силайса нарвала листьев дикой плёи, засунула за пазуху и прыгнула вниз. Лёха прыгать не стал — побоялся: поверхность земли вокруг дерева была неровной, вся покрытая узло-

ватыми корнями граона. Можно было легко подвернуть ногу, если неудачно приземлиться, поэтому он завершил спуск весьма осторожно.

Девушка терпеливо ждала его внизу, потом определила направление и побежала. Лёха последовал за ней. Силайса бежала ровно, в размеренном темпе. Хотя она и боялась пикор, больше об этом не вспоминала. Иногда девушка останавливалась, натирала стопы листьями дикой плеи. Один раз они позволили себе передышку — у озера — пили воду и умывались. Потом опять бежали. Лёха с трудом поспевал за Силайсой. Во рту у него пересохло, появилась резкая боль в правом подреберье, но он терпел — знал, что откроется второе дыхание.

Через два часа девушка остановилась и сказала:

— Дальше мне нельзя — метка на руке уже жёлтая. Если будет красная, будет ещё одно замечание.

Она показала ярко-жёлтое пятно на запястье.

— Запретная зона близко. А у тебя метки нет. Как ты сюда прошёл? Здесь везде датчики стоят.

— Я и сам не знаю, — задыхаясь после долгого бега, еле вымолвил Лёха, вытирая краем рубашки мокрый лоб. Он недоумевал, что за метка у девушки на руке.

Силайса несколько не запыхалась. Дыхание её было ровным, она только слегка порозовела; казалось, бег — её естественный способ передвижения. Девушка посмотрела на Лёху долгим печальным взглядом и наконец сказала со вздохом сожаления:

— Теперь иди один. Уже недалеко. Выйдешь к забору — за ним дорога. Если пойдёшь вдоль забора, найдёшь контрольный пункт. Там можешь внести взнос за меня. Мой номер здесь С-325789. А мне пора возвращаться — работу надо сдавать.

Она вдруг смутилась и с неохотой призналась:

— Мне досталось плести гамаки из лиан.

— Да, гамак — вещь нужная, особенно в лесу, — согласно поддакнул Лёха, всё ещё тяжело дыша. — Ты мне всё-таки объясни, что это за место? Я так и не понял.

Его мучило любопытство, а может, он просто боялся снова остаться один среди гигантских деревьев.

— Ну как ты не понимаешь? — отчаянно воскликнула Силайса.

— Ничего не понимаю. Что такое Волшебный лес?

— Ну, Волшебный лес... Все знают, что Волшебный лес — это название зоны карантина.

Силайса посмотрела на Лёху страдальческим взглядом и вдруг со всей страстью стала оправдываться:

— Я не преступница, ты не думай! Я из оптимистов. Не веришь?

Она расстроилась, заметив недоумение в его глазах.

— Теперь не выкупишь? Не выкупишь? Я же не преступница!

Лёха почесал нос.

— Да у меня денег нет, — смущаясь, сказал он.

Силайса захлопала влажными ресницами.

— Жаль... Очень жаль.

Она замолчала и понуро смотрела куда-то вдаль.

— Ладно, пойду я. По веткам. Прощай, Алексей! Спасибо тебе.

— Это тебе спасибо. Мне-то за что?

— За то, что теперь я буду счастливая. — Она мило улыбнулась. — У нас на Лингоре есть поверье: кто встретит настоящего мужчину, будет счастливой. Глупо, да? Но я уже счастливая и всегда буду вспоминать тебя. А ты меня вспоминай. Хочешь, я оставлю тебе на память медальон?

Она обрадовалась возникшей идее, сняла с шеи цепочку с подвеской, протянула Лёхе.

— Да зачем это надо? — отмахнулся Лёха.

Но Силайса сама повесила медальон ему на шею.

Лёха вспомнил, что обещал ей печатку. Он нехотя снял перстень, протянул девушке, стараясь заглушить в себе невольно возникшее неприятное чувство сожаления. Печатка была подарком друзей на день рождения. По внутренней поверхности перстня шла гравированная надпись, как у царя Соломона, но с ошибкой. Надпись на его печатке гласила: «И эта пройдёт». Гравировщик-мигрант вместо слова «это» написал «эта», поэтому под словом «эта» теперь подразумевалась женщина.

Силайса надела перстень на большой палец левой руки и поцеловала его. Через минуту она уже стояла на ветке граона.

— Прощай, Алексей! — крикнула она сверху и с серьёзным видом торжественно изрекла: — Я передам перстень твоему сыну, когда он вырастет. Я назову его твоим именем, Алексей. Он будет таким же красивым и смелым, как ты.

— Какому сыну? — скривившись, недоумённо процедил Лёха сквозь зубы. — Не разочаровывай меня, Силайса.

— Ты думаешь, будет девочка?

Силайса медленно отступала по ветке и наконец быстро побежала, перепрыгивая, как Маугли, с листа на лист, с ветки на ветку и крича на ходу:

— Я точно знаю: будет мальчик! И я его никому не отдам!

— Мальчик-с-пальчик... — со вздохом буркнул ей вслед Лёха. — Книжки надо читать, Силайса.

И всё-таки Лёха расстроился, когда она ушла. Он еле сдерживался, чтобы не окликнуть девушку. Он уже оправдывал все странности новой знакомой, фантазируя, что она лесная фея и что он всё неправильно понял. После ухода Силайсы Лёха неожиданно для себя почувствовал в душе такую леденящую пустоту, что хотелось взвыть. Он втягивал носом воздух, всё ещё напоённый запахом сандала. Но так пахли листочки дикой плеи.

— Лучше бы к дороге вывела... — запоздало и как-то вяло промямлил он, когда Силайса уже скрылась в фантастических зарослях.

«Что со мной сегодня?» — Он всё ещё смотрел ей вслед. — «Полчаса общения, один поцелуй, изматывающий двухчасовой бег — и будто душу вывернули наизнанку. Красивая, зараза, прямо крышу снесло! Но всё-таки глупая и неадекватная».

Он подкинул эту ложку дёгтя, чтобы успокоить возникшее в душе волнующее томление. И хотя несколько раз сказал себе: «И эта пройдёт», щемящее чувство в груди не отпускало.

Лёха взглянул на амулет, подаренный Силайсой: на массивном золотом овале было отчеканено изображение дракона. Надо же, совпадение: у Лёхи на правой руке выше локтя была татуировка похожего дракона.

Парень всё ещё надеялся, что девушка вернётся, а когда понял, что она не вернётся, продолжил путь в указанном направлении. Довольно быстро лес закончился, и Лёха — измотанный, опустошённый и голодный — уткнулся лбом в двухметровый плетёный забор. Через щели можно было увидеть серую грунтовую дорогу, за которой простиралось бесконечное зелёное поле.

Лёха отошёл на несколько шагов назад, разбежался и, как паркурщик, помогая ногами, вытянул себя на сильных руках вверх. Ловко перемахнув через забор, он очутился на пыльной дороге.

Глава 2. Плен

Дорога! Какое счастье, что есть дороги! Лёха воспрянул духом: дорога обязательно приведёт к людям. Где есть дороги, там есть жизнь и цивилизация.

И действительно, через пару минут вдали показался человек, ехавший на необычном громоздком белом велосипеде. Большой двухколёсный велосипед по конструкции напоминал детский — с дополнительными боковыми колёсиками. Когда велосипедист подъехал ближе, стало ясно, что это девочка лет пятнадцати.

Рифлёные колёса оставляли на пыльной дороге след из трёх полосок: посередине — широкий, узорчатый, а по сторонам — две тонкие. За спиной у девочки висело короткое весло, а на правой руке сверкала татуировка в виде фантазийного цветка — яркая, как картинка в глянцево́м журнале.

«Крутая тату-технология», — про себя отметил Лёха.

Девочка остановилась около парня и стала совершать странные действия: согнув перед собой левую руку с широким металлическим браслетом, она водила по нему пальцем другой руки, будто нажимала кнопки. Из браслета выдвинулся стержень и развернулся в прозрачную пластину, на которой вдруг появилось изображение окружающего ландшафта.

Лёха поздоровался и, надеясь услышать внятный ответ, спросил:

— Как добраться до города?

Он был рад добраться до любого населённого пункта.

— Чего? — не поняла девочка. Она всё ещё была занята браслетом.

— До ближайшего города далеко отсюда?

— До города недалеко, — наконец ответила девочка, сканируя взглядом Лёху сверху донизу. — Хочешь, подвезу?

— Хочу, — сразу согласился измученный долгим бегом Лёха. — А водички у тебя, случайно, не найдётся?

Девочка протянула флягу.

— Тэквойя! — гордо сказала она. — Три глотка разрешаю сделать.

Название «тэквойя» Лёхе ни о чём не говорило, но он, не раздумывая, хлебнул из фляги. Жидкость нежно прошла по горлу и удивила долгим приятным послевкусием. Лёха честно сделал три больших глотка и вернул флягу девочке. То ли благодаря напитку, то ли по какой-то другой причине парень почувствовал прилив сил и сразу же предложил сам крутить педали. Девочка с удовольствием согласилась.

Так они и продолжили путь: Лёха вёл велосипед, а девочка сидела впереди на широкой раме. Она всё время норовила повернуться, посмотреть на водителя, и при этом весло за её спиной ударяло Лёху по голове. Жёсткие деревянные колёса крутились туго, велосипед подпрыгивал на каждой неровности, боковые колёса мешали набирать скорость. К тому же после десяти минут поездки на узком твёрдом седле Лёха почувствовал сильный дискомфорт в области промежности.

— Где ты нарыла такой допотопный деревосипед? — сквозь зубы спросил Лёха.

— Это прабабушкин, — звонко ответила девочка. — Он из дерева граона выточен, поэтому вечный. Прадед для прабабушки его сделал ещё во времена Великого Перелёта. А теперь я на нём езжу. Он не ломается и не требует энергоблоков. И бурелимам он не по зубам.

«Что за тарабарщину она несёт?» — подумал Лёха, но вслух сказал только:

— Прадед твой орудие пыток смастерил. Чего же он амортизаторы не сделал? Далеко ещё ехать?

— Да вон уже город, — сказала девочка, указывая рукой на ветхие строения в поле.

— Ты ничего не путаешь? — насторожился Лёха. — Какой же это город? Это даже не деревня. Какой-то развал-базар с палатками.

— Это наш город Кургур. Видишь, огорожено — значит, город. Мы тут с мамой живём. Девочка крутанула на руке браслет и, обращаясь к кому-то, сказала:

— Я вернулась. Пикор не выпускала?

— Нет. Рано ещё. А с кем ты? — раздался приятный женский голос.

— Я с мужчиной. Наверное.

— Шутница, — сказал голос.

— Не хочешь — не верь. А хочешь — посмотри, сама увидишь.

Девочка направила руку с браслетом на Алексея.

— Где ты его нашла, Сильма? — удивлённо воскликнул голос. — И такой красивый, молодой. Пригласи в гости. Познакомимся.

— Пойдёшь к нам в гости? — спросила девочка, ничуть не смущаясь того, что Лёха слушает разговор. — Тебя мама приглашает.

Парень утвердительно кивнул: наконец-то появится возможность выяснить, где он оказался. Может, и перекусить получится.

— Останови, останови! — вдруг истошно закричала девочка, так что Лёха даже вздрогнул. — Мне надо.

Она соскочила с рамы и, отбежав на пару шагов в сторону, присела у дороги.

Лёха в шоке отвернулся от неприглядной сцены: девочка-то не маленькая, почти невеста, пора бы соображать, что можно вытворять, а что — безобразие. Или они в этой местности все с приветом? Ему сразу расхотелось идти к ней в гости.

— Ладно, Сильма, спасибо, что подбросила. Дальше я сам пойду. Куда эта дорога ведёт?

— Так ты не зайдёшь? — разочарованно протянула девочка, игнорируя вопрос.

Она приняла у него трёхколёсное чудище, но пошла пешком, ведя велосипед рядом.

— А что я маме скажу?

— Скажи, что дядя торопился. Куда дорога ведёт? — повторил Лёха.

— Да на карантин, в Волшебный лес, — скороговоркой ответила Сильма и недовольно заныла: — Я маме обещала, что приведу тебя. Пойдём к нам! Пойдём!

— Что у вас за карантин? — решил уточнить Лёха на всякий случай.

— Смешные вопросы задаёшь, — засмеялась Сильма и спросила: — Ты пилот?

— Нет, не пилот. Ты на вопросы умеешь отвечать? Я тебя про карантин спросил.

— А кто ты тогда? У тебя эмблема на спине. Заяц в шлеме.

— Заяц пилот, а я — нет. Что тут у вас вообще творится? Никто толком ничего сказать не может. Партизаны. Все несут какой-то бред. Вот ты в какой стране живёшь?

Девочка пропустила очередной вопрос мимо ушей и переспросила:

— А тогда ты кто?

— Бармалей в мантии! Ты можешь мне чётко сказать, в какой стране живёшь?

— Лингора, будто не знаешь.

— Где эта ваша Лингора? — вскипел Лёха.

— На Лингоре, естественно.

— А Лингора где?

— Вот она, — девочка сделала широкий жест руками и топнула, — наша любимая Лингора. Гуляешь без оружия, поэтому такой взбудораженный?

— Я не гуляю. Дорогу ищу в Питер. Помогла бы...

— Ищешь дорогу? — хихикнула девочка. — Так по дороге далеко не уйдёшь. Надо лететь. Где твой корабль? В Питере? Мама тебе поможет, у неё есть форсмобиль. Пойдём к нам, — настаивала она. — Вон мой дом с красной крышей. У меня мама красивая. Тебе понравится. И сестра сегодня приедет. Да и я интересная.

— М-да, — промычал Лёха в полном недоумении и строго приказал: — Иди домой к маме. Книжку почитай.

И мысленно добавил: «Дура».

— Сам дурак! — обиделась девочка, будто догадалась по выражению его лица, и больше не проронила ни слова.

Она разочарованно морщила носик и бросала на Лёху косые взгляды.

Они подошли к забору. Ворота сами открылись при их приближении, и Лёха с девочкой вошли в город.

Кургур просматривался от края до края.

«Ну и город», — подумал Лёха, окидывая недоуменным взглядом ветхие домишки.

Несколько десятков одноэтажных сараюшек из веток, досок и какого-то тёмного волокнистого хлама стояли по окружности неровными рядами. Сверху поселение напоминало бы, наверное, мишень или срез гнилого пня: круг за кругом, всё теснее к краям, всё кривее, всё мрачнее.

В центре выделялся двухэтажный домик с красной крышей — кривенький, перекошенный, будто его не строили, а лепили наспех из пластилина. Красная крыша казалась здесь почти неприлично яркой, как свежая рана на серой коже. Вокруг домика был отдельный двор, обнесённый ещё одним заборчиком — низким, щербатым, но явно важным. Сразу было件нятно: кто-то здесь считал себя главным.

Чем дальше от центра стояли дома, тем плотнее они жались друг к другу. Сараюшки нависали над узкими проходами, цеплялись стенами, подпирали соседей кривыми балками, будто боялись расползтись в стороны. Местами между ними оставались такие щели, что Лёхе пришлось бы идти боком.

Улочки, если это вообще можно было назвать улочками, тянулись к центру тонкими серыми жилами. Такое впечатление создавала мутноватая прозрачная плёнка, натянутая поверх грязи и щепы. Под ногами она чуть пружинила и поблёскивала, как подсохшая слизь. Лёха невольно подумал, что весь город затянут какой-то огромной паутиной.

Пахло везде одинаково: сырой несвежей древесиной, плесенью, стоялой водой и чем-то животным. Возле некоторых строений запах сгущался. Он забивался в нос, драл горло.

Где-то за стенами сараев кто-то повизгивал. В другом месте раздавалось глухое фыркание, потом короткое злое рычание. Из щелей доносилось шуршание, тяжёлое дыхание, скрежет когтей или зубов по дереву.

Лёха насторожился.

Эти повизгивания и низкое горловое рычание он уже слышал, когда прятался вместе с Силайсой на дереве.

От воспоминания по спине пополз холодок.

— Отличный городок, — пробормотал он. — Прямо курорт для нервной системы.

Но шутка получилась слабая.

Что-то здесь было не так. Слишком тесно и сыро. Тошнотворные запахи. Пугающие звуки за тонкими ненадёжными стенами. И жителей не видно.

— А где все люди? — забеспокоился Лёха, оглядывая пустынные улочки.

— Работают, — сухо ответила девочка и, вскочив на велосипед, не прощаясь, покатила по бугристой дорожке к дому.

Лёха огляделся, раздумывая, в какой бы дом постучаться. Его внимание привлекла розовая вывеска на крыше длинного серого одноэтажного барака, которая утверждала, что эта развалюха с названием местного дерева «Граон» является центром развлечений. Лёха решил

заглянуть в это заведение. Возможно, там получится перекусить, отдохнуть и вывести хоть какую-нибудь полезную информацию. Из зарешеченных окон барака доносилась приятная музыка.

Он вошёл внутрь, прошёл через небольшую прихожую и остановился у входа в зал.

Развлекались в «Граоне» в этот час исключительно молодые женщины. Их было человек восемь. В светлом длинном помещении вдоль стен стояло несколько квадратных столиков со стульями, а в центре зала, вокруг небольшого пошлого фонтанчика с изваянием двух влюблённых, теснились диванчики лимонного цвета. Играл ласковый блюз. От смеха и говора было довольно шумно.

До слуха донеслось несколько фраз:

— Скоро прилетают.

— А кто?

— Не знаешь, Алкен прилетит?

— Нет.

— Как обычно, Димэн?

— Жаль, Димэн сразу к Кариэ отправится.

— А с ним кто ещё — не знаешь?

Это говорили в одной компании. Другие, сбившись в кучку, что-то рассматривали на экране планшета:

— Это Ху До Бик. Какой стильный! Он скоро прилетит в Сантэли, два концерта даст. Вот бы попасть туда!

— Нет, он не цифровой и не киборг, он реальный!

Недалеко от входа, на разрисованной узорами тумбе, в огромной клетке качался на жёрдочке фиолетовый попугай с жёлтым хохолком. Он молча переминался с ноги на ногу, но, как только заметил Лёху, вскинул хохолок, сверкнул глазом и с радостной интонацией несколько раз выкрикнул:

— Девчонки, пилот! Пилот пришёл!

Потом томно вздохнул:

— Ах, это ко мне...

Лёха невольно улыбнулся забавной сценке.

Тут же говор и смех в зале смолкли, музыку кто-то выключил. Только попугай продолжал кричать на все лады:

— Мой пилот пришёл! Мой пилот!

Все барышни уставились на Лёху с удивлённым любопытством и ожиданием.

— Новенький! — услышал он шёпот.

В глазах каждой девушки вспыхнули живые искорки нескрываемой радости. Улыбки заиграли в ямочках на щеках, в морщинках у глаз. Лёха прошёл в зал. Девушки сразу обступили парня.

В разрезах их платьев из ткани грубого плетения, без швов и с завязками вместо пуговиц, белели ядрёные бока и груди соблазнительных форм. Нельзя было назвать девушек красавицами, но в каждой было нечто такое, что привлекает гораздо больше, чем безупречная красота: здоровая молодость, природная сексуальная искренность, граничащая с распушенностью. От них веяло средневековой простотой и прямотушием.

— Какой мачо! — сказала одна из них, придвигая к парню свои прелести.

— Молоденький, вкусенький! — сказала другая.

— У меня даже сердце всколыхнулось при виде тебя, — добавила третья.

Лёхе стало не по себе: он не привык к такому бесцеремонному обращению и столь нескрываемым помыслам. Парень, конечно, знал, что нравится женщинам, и с девчонками вёл себя довольно развязно. Лёха понимал, что хорош собой: высокий, спортивный, с благород-

ными чертами лица, «породистый», как говорила Юлька. При этом он считал себя очень даже умным. В общении с девушками мог проявлять и снисходительную покорность, и дерзость, и благодушие — конечно, в зависимости от ситуации. Девчонки в институте не оставляли Лёху без внимания, а он никогда не жалел ласки и потом долго отбивался от поклонниц с обманутыми надеждами.

Однако сейчас ему было не до флирта. Эти ядрёные девицы его пугали. Он сам не понимал, что именно насторожило, но по опыту знал: разум таких самочек, не обременённых интеллектом и этическими нормами, озабочен только двумя проблемами — пропитанием и поиском партнёра для спаривания.

Лёха догадался, что зашёл в сомнительное заведение. Девицы тянули к нему руки, поглаживали со всех сторон. К такому повороту событий парень не был готов и быстро соображал, что предпринять.

— Мне надо позвонить, — сказал он, уворачиваясь от назойливых рук.

Аккуратно обороняясь и пытаясь спрятаться за столиком у стены, он искал глазами официанта. Ведь если есть столы, то должен быть официант или, на худой конец, продавец, — резонно предположил Лёха. Но никого похожего на официанта не увидел.

— Девчонки, дайте кто-нибудь позвонить, — ещё раз попросил он не отходивших от него барышень и в оправдание добавил: — Мобильник сдох после водных процедур.

Сразу несколько рук протянули ему браслеты, а на каждой руке мерцала переливающаяся татуировка. У Лёхи перехватило дыхание: он был на грани срыва — слишком много непонятного. Что-то странное происходит. Необъяснимое...

— Какое сегодня число? — на всякий случай спросил он.

— Сорок пятый день весны, триста одиннадцатый год третьего тысячелетия, — ответила фигуристая брюнетка.

«Приплыли — я в будущем», — вздрогнул Лёха.

Он поморщился, пригладил волосы раскрытой ладонью, почесал затылок и вдруг понимающе усмехнулся. Ведь гонит, швабра, издевается, — смекнул он и, стараясь сохранить выдержку, не вступая в дискуссию, бросил небрежно:

— До Питера далеко отсюда? Мне нужно в Питер.

Но голос его внезапно потерял звонкость, захрипел, а на слове «Питер» Лёха вообще закашлялся.

Все девушки разом засуетились, стали перебирать названия незнакомых городов, вертеть шестерёнки на своих браслетах. Лёха с удивлением наблюдал, как у каждой на руке из массивного обруча выдвигался и разворачивался маленький экранчик, подсвеченный зеленоватым светом. На дисплеях мелькали разноцветные картинки, а некоторые сообщения вообще отделились от устройства и висели перед девушками в воздухе.

«Фантазмагория, — всплыло в голове слово, никогда не употребляемое им ранее. — Я в будущем. Фантазмагория!»

Одна из девушек, с серьгой в виде красной ракеты, нашла на своём устройстве название города Питэра.

— Но Питэра на твоём Поркусе, — радостно воскликнула она. — А ты на Лингоре. На Лингоре нет Питэры.

— Какая, нафиг, Питэра?! — почти всхлипнул Лёха.

По спине пробежала дрожь, как будто его пронзило электрическим током.

— На Поркусе, на Лингоре... Питэра... Ошизеть! Мне нужен Санкт-Петербург. Город такой есть, на Неве... в России... Или мы не в России?

Девушки растерялись, сокрушённо разводили руками.

— Мы не знаем, чем тебе помочь, — искренне огорчилась фигуристая брюнетка. — Мы не в России. Мы на Лингоре. Здесь нет такого города.

— Не в России, а где? — чуть не плакал Лёха.

Руки его ходили ходуном, в то время как плечи, шея и голова словно оцепенели.

— На Лингоре! Смешной какой! Ты же прилетел на Лингору, — наперебой заверещали девицы.

— Но вы же по-русски говорите! — уже почти кричал Лёха.

— А что такое говорить по-русски? — с интересом спросила маленькая, аппетитная кучерявая блондинка.

— Ты чё, реально не втыкаешь? — раздражённо рявкнул Лёха.

Ему даже захотелось ударить блондинку за такое издевательство.

— Я не втыкаю, — беззлобно ответила блондинка. — Кто-нибудь втыкает?

— Мы не втыкаем, — неотрепетированным хором пропели девицы.

Тут у парня резко свело живот, как будто внутрь поместили моток колючей проволоки. Он застонал. Через некоторое время боль отпустила, зато голова начала наполняться ватой, изображение комнаты поплыло — он вот-вот мог потерять сознание.

— Воды... дайте мне воды, — сдавленным голосом произнёс Лёха.

Ему тотчас подали стакан с прозрачной жидкостью. Он выпил всё до дна. «Это, наверное, от голода так паршиво», — подумал Лёха и попросил поесть.

Через пару минут перед ним поставили блюдо с горячей дымящейся едой. Под пристальным вниманием молодых особ он набросился на еду — и его чуть не вытошнило прямо в тарелку. Вкус, запах и консистенция блюда оказались неожиданно мерзкими, словно он взял в рот вонючую слизистую протухшую котлету. Лёха выплюнул эту гадость.

Брюнетка, не скрывая досады и разочарования, удивлённо воскликнула:

— Это же яйца змеенога. Деликатес. Это вкусно!

Лёха зажал рот рукой: рвотный рефлекс не отпускал.

— Где толчок? — невнятно выдавил он и бросился к указанной двери.

В уборной вдоль стен стояли бочки: с одной стороны — пустые, с другой — наполненные водой. Лёху вывернуло в пустую бочку.

Он перевёл дух и окунул разгорячённую голову в бочку с водой. Длинные волосы повисли паклей. Лёха отжал их, утёр лицо рукавом рубахи и вернулся в зал.

— Никогда, слышите, никогда не кормите мужиков яйцами змеенога! — назидательно сказал парень скорбным голосом. — Сколько с меня?

Девушки присмирели и с сочувствием смотрели на мокрого Лёху.

— Тебе плохо? Вызвать эл-лекаря? — участливо спросил кто-то из них.

Лёха энергично замотал головой, достал из кармана джинсов две пятисотки и бросил на столик.

— Что это? — удивилась девушка с серьгой-ракетой.

— Бабло за яйца змеенога. Инопланетянки, блин! — вырвалось у него.

Он не понимал, что происходит, и злился из-за этого.

— Хамло с баблом! — рассердилась девушка в жёлтом платье, до этого момента молчаливая и сдержанная.

Она пренебрежительно отпихнула мятые купюры и сварливо сказала:

— Забери свои фантики. Нам бумажки не нужны. Нам нужны впечатления.

— Не надо так не надо, — Лёха сгрёб деньги обратно и направился к выходу.

— Ты не пилот? — прозвучал в спину раздражающий вопрос.

И попугай тут же восторженно подхватил:

— Пилот! Пилот!

— Не-е-ет! — не оборачиваясь, в сердцах взревел Лёха. — Не пилот я!

— Ладно, ладно! Не сердись, — услышал он примирительный возглас. — Нам всё равно, кто ты. Выбирай, кого хочешь и сколько хочешь.

Плотная девушка высокого роста преградила ему дорогу. Тут же наперерез ей бросилась брюнетка с серьгой. Она грубо оттолкнула соперницу.

— Выбери меня, — попросила брюнетка. — Меня давно никто не выбирал, — добавила она, проникновенно глядя Лёхе в глаза и стараясь вызвать в нём сочувствие.

— Отвянь! — жёстко пресёк её приставания Лёха, всё сильнее чувствуя какую-то психическую усталость и надломленность.

— А зачем ты сюда зашёл? — возмущённо надула губки хрупкая девушка, похожая на Красную Шапочку: в красном чепчике и пышной красной юбке.

— Я ошибся. Не знал, что здесь бордель. Прощайте, барышни.

Ему хотелось поскорее убраться из «Граона».

— Это не бордель! — сверкнула гневным взглядом Красная Шапочка.

Девушки недовольно зашумели, загородили выход. Брюнетка обиженно объяснила:

— В борделе роботы. Их за деньги продают. А у нас центр развлечений. Это же подарок. От подарков не отказываются. Выбери любую, хотя бы одну.

Подружки её поддержали:

— Мы тебя не отпустим, пока не выберешь.

Лёхе вовсе не хотелось вступать в схватку с этими странными, назойливыми, но далеко не хилыми девицами, и он решил схитрить.

— Жребий бросьте: вы все классные, — тусклым голосом сказал он.

И точным движением сорвал с Красной Шапочки чепчик, бросил на стол и приказал:

— Фанты — в шапку.

Девушки, поверив в его искренность, сгрудились у чепчика. В качестве фантов они бросали в шапочку свои браслеты. Каждая хотела испытать удачу. Когда барышни обернулись, чтобы преподнести парню шапку с фантами, его уже и след простыл.

Улучив момент, он выскочил за дверь и через минуту оказался у домика с красной крышей, куда его приглашала девочка с велосипедом.

Влетев в открытую дверь неказистого двухэтажного домика, Лёха столкнулся в маленькой прихожей с недавней знакомой.

— Привет, Сильма! — выпалил он. — А вот и я.

Девочка захлопала в ладоши.

— Мама! — возбуждённо крикнула она. — Бармалей пришёл!

— Надо же, запомнила! — недовольно буркнул Лёха. — Вообще-то меня Алексей зовут.

Комната, куда его пригласила девочка, поражала скудным убранством: две грубые белёные лавки стояли у стен, большой белый сундук посередине, видимо, служил одновременно и столом — на нём валялись какие-то крошки. Рядом стояла низкая табуретка, у стены покачивалось плетёное кресло-качалка. Два гамака, подвешенные в углах, были застелены коричневыми тряпками. В центре комнаты лежал грубый серый половик; под ним угадывалась небольшая круглая крышка люка. На полу стояла лампа под серым абажуром в виде шара.

Две узкие крутые лестницы без перил вели: одна — наверх, в открытую тёмную дыру в потолке, вторая — вниз, видимо, в погреб.

Из дыры в потолке показался мохнатый чёрный подол платья. Лёха наблюдал, как подол уверенно заскользил по крутой лестнице, и вскоре его обладательница появилась вся целиком. Это была черноволосая женщина: стройная, непонятного возраста, свежая лицом и без единой морщинки. Одета она была в длинное свободное тёмное платье с откинутым на спину капюшоном. Кисточка на капюшоне опускалась ниже спины и болталась, словно хвостик. В этом наряде женщина походила на ведьму — впрочем, довольно привлекательную.

— Проходи, садись, добрый молодец, гостем будешь, — сказала хозяйка протяжным глубоким голосом.

Слова «добрый молодец» оживили в памяти Лёхи русские народные сказки и детское ожидание чего-то колдовского, волшебного, опасного.

— Чего ты на меня так смотришь, будто я ведьма какая-то? — усмехнулась женщина. — Я невероятно милая, не правда ли?

Лёха согласно кивнул.

— Что такой бледный, мокрый? Устал с дороги, наверное. Сейчас отдохнёшь. Ты откуда будешь? Каким ветром тебя в наши края занесло? — Женщина без остановки задавала вопросы, не дожидаясь ответов. — Совсем молоденький... Турист, наверное?

— Да-да, я турист, — обрадовался Лёха более или менее разумному объяснению своей необычайной ситуации. — Я из Петербурга. Только не понимаю, куда попал. Видимо, выпил лишнего...

— Ой, мой сладкий, — ворковала женщина, — ты попал на Лингору. В город Кургур тебя занесло. Голодный, небось? Садись, садись, касатик. Накормлю.

Лёха продолжил осматривать комнатку. По обе стороны от входной двери на стене висели два весла, рядом с одним из них — незнакомый струнный музыкальный инструмент, напоминающий сосиску в разрезе. Противоположную от входа стену украшали две большие объёмные фотографии мальчиков дошкольного возраста. Лёха подумал, что это дети хозяйки.

Женщина придвинула к сундуку табурет, откинула резную крышку, достала белую салфетку, бутылку с коричневой жидкостью, стаканы и тарелки. Закрыв сундук, она застелила крышку салфеткой и принялась расставлять посуду, не переставая говорить.

— А где твоя лицензия? — строго спросила она. — К нам туристы теперь не заглядывают. Запретили. Пилоты прилетают, завозят продовольствие и разные полезные вещицы, но сколько тех пилотов? А туристы... не помню уж, когда они тут были. Последний раз — шесть лет назад. Да, шесть лет, так и есть: я тогда Ватана зачала, — задумчиво произнесла она. — Потом запретили туристов, когда выяснилось, что они женщин с карантина воруют. Сколько же тогда сбежало из Волшебного леса! Вот был скандал... Правда, всех потом вернули. А туристов запретили — спецобъект рядом. Так где твоя лицензия? Покажешь?

— Какая лицензия? А мы разве не в России? Где мы, в конце концов? Где эта Лингора? Это в Африке, в Америке? Или на Луне? На какой планете? — в отчаянии спрашивал Лёха.

Он смотрел то на женщину, то на девчонку, устроившуюся в гамаке, надеясь найти в их глазах подтверждение абсурдности своих вопросов. Но женщина ответила совсем не то, что он ожидал услышать:

— Ты в Кургуре, на Лингоре, мой красивый. На нашей родной планете Лингоре.

— Шутите? — Лёха глупо улыбался, держась из последних сил. Во рту пересохло, в горле першило.

Уже в который раз он слышал о Лингоре, но как в этот бред можно поверить? Женщина положила на тарелку кусок пирога.

— Зачем мне шутить с таким сладким парнем? — Она потрепала Лёху по загривку. — Волосы у тебя, как у девчонки: волнистые, мягкие. Ресницы длинные... густые. Губы чувственные. Ты, часом, не трансформированный? Признавайся: ты настоящий?

— Что? — вздрогнул Лёха, рассеянно глядя перед собой.

— Реальный... — мурчала женщина бархатным голосом, поглаживая парня по спине. — Как зовут тебя?

— Алексей, — на автомате ответил Лёха, всё ещё переваривая слова о пресловутой Лингоре.

Что же получается? Он на другой планете... Предыдущие версии — виртуальная реальность, путешествие во времени — летели к чертям. Внутри Лёхи словно образовалась пустота;

мысли перестали метаться и на мгновение замерли. Как замороженный, он смотрел на женщину, еле улавливая, о чём та говорит.

— Меня зовут Кария́, — тем временем задушевным голосом продолжала хозяйка. — Ты ешь пирог, ешь... Я здесь работаю много лет, всех пилотов знаю, но ты точно не пилот. Зачем же ты сюда прилетел?

Лёха глухо ответил:

— Сам не знаю. Полный провал в памяти.

Женщина подала стакан, плеснув туда тёмно-коричневой жидкости из бутылки.

— На, запей морсиком. Может, вспомнишь чего.

Лёха как под гипнозом принял стакан и машинально хлебнул.

— Что-то мне нехорошо, — успел сказать он, падая лицом на крышку сундука.

Тело перестало ему подчиняться. Лёха едва дышал, но оставался в сознании и слышал всё, о чём говорили в комнате.

— А мне-то как хорошо! — радостно воскликнула женщина. — Очень хорошо! Сильма, — кликнула она дочь, — помогай. Снесём его в подвал. Ключи давай. Вот повезло-то! Великолепный экземпляр. Красивый какой. Может, теперь выручим денег на твою учёбу. А то папочка за тебя не торопится платить.

Сильма принесла ключи, но стояла в нерешительности.

— Мама, ты что? Не надо! Тебя накажут!

— За пилота накажут, а за неизвестного туриста без лицензии — вряд ли. Здесь туристов быть не должно. В Кургуре его точно искать не будут. Откуда этот-то взялся? Давай, Сильма, не стой как истукан, помогай. Рискнём — вперёд пойдём. Не рискнём — не мечтай о столице.

Кария и её смазливая дочурка потащили обездвиженного парня по крутой шаткой лестнице в подвал. Там, среди коробок и хлама, выделялась массивная дверь цвета слоновой кости. Сильма отворила её. За дверью оказалась маленькая каморка размером меньше десяти квадратных метров.

Затащив парня внутрь, мать с дочерью оставили его на грязном земляном полу.

— Фу, тяжёлый какой, — с облегчением выдохнула Сильма.

— Обыщи его, — приказала мать.

— Ничего интересного, — сказала Сильма, наспех ощупав его карманы.

Они заперла дверь с другой стороны. По нервам резанул стальной скрежет проржавевшего замка, и после этого наступила гнетущая тишина.

Лёха лежал с открытыми глазами, не в силах пошевелиться. В голове был полный штиль, но вскоре появились, поплыли мысли; они кружились каруселью в тумане безразличия и безчувствия.

Что происходит? Почему планета? Чужь какая-то. Почему Лингора? Это не может быть правдой. Это просто розыгрыш.

Лёха долго смотрел отрешённым, тусклым взглядом в грязно-серый потолок, пока к нему постепенно не вернулась подвижность. Он смог моргнуть, повернуть голову, но сил, чтобы встать, ещё не было. На одной из стен, под самым потолком, ярким пятном светилась небольшая ниша. Когда взгляд окончательно прояснился, стало понятно, что это маленькое окно. Оттуда в подвальчик лился свет. Освещения хватало, чтобы рассмотреть стены, обитые серыми панелями, белую дверь и топчан.

Через некоторое время Лёха смог подняться. Пошатываясь, он подошёл к двери. Дверь без ручки была сделана из цельного куска твёрдого дерева — такую не пробьёшь и не выломаешь. Лёха дважды пнул её, но дверь даже не дрогнула.

В подвальчике было довольно сыро и воняло псиной, а из щелей между панелями сыпалась земля. У стены стоял широкий топчан, покрытый ветхой тряпкой. Рядом притулилась низенькая табуретка. Лёха с размаху плюхнулся на топчан и дико взвыл, больно ударившись о твёрдую поверхность.

— Вот за-ра-за-а! — застонал он от боли.

Оказалось, под тряпкой были голые доски.

Что за день такой поганый?! Проклятье!

Лёха в ярости схватил табуретку и швырнул в закрытую дверь. Табуретка с грохотом отскочила, но осталась целой и невредимой, а Лёхе так хотелось, чтобы она разлетелась вдребезги. Он швырнул её ещё раз и ещё, но с табуреткой ничего не сделалось: она, как и дверь, была вытесана из цельного куска граона.

Лёха поставил табуретку под окном, чтобы посмотреть, что творится снаружи. С внешней стороны окно закрывала горизонтальная решётка, но до рамы легко можно было дотянуться. Лёха приподнял её, и в каморку потянуло свежим воздухом.

Решётка была накрепко вмурована в стену, а окно оказалось таким маленьким, что, даже если бы удалось выломать решётку, Лёха всё равно не смог бы пролезть в отверстие: оно годилось разве что для небольшой собаки. Зато появилась возможность увидеть кусочек неба или позвать на помощь. Лёха несколько раз крикнул: «Помогите!» — однако двор вокруг дома был огорожен, и посторонних людей здесь не было.

Отчаявшись, Лёха прилёг на деревянный настил. В таком положении он заметил небольшой круглый люк на потолке. Этот люк Лёха видел ещё наверху. Парень тут же вскочил, не обращая внимания на боль в отбитом боку, легко дотянулся до крышки и попытался открыть её. Крышка оказалась запертой, да и само отверстие было маловато для плечистого Лёхи.

— Эй, наверху! — истошно заорал он, сложив ладони раструбом. — Воды хотя бы дайте! Сволочи! Вы забыли о моих потребностях. Считаю до трёх, а потом я за себя не отвечаю. Раз, два, три...

Он досчитал до десяти.

— Ну-ка, тихо, красавчик! — наконец услышал он голос женщины из открывшегося люка. — Не шали. Оружие у меня всегда наготове. А сток — в углу комнаты. Бочонок под настилом.

Люк уже готов был захлопнуться.

— Эй, Кария, — Лёха торопливо схватился за край отверстия, — постой. Давай поговорим.

— Поговори, — согласилась Кария, склонившись над люком.

— Чего вам от меня нужно?

— От тебя — ничего.

— Если рассчитываете получить за меня миллионы, должен предупредить: ни у меня, ни у моей матери таких денег нет. Зря только время потеряете. Вы не получите денег!

Кария заулыбалась.

— Малыш, тебя обязательно купят. За молодого парнишку хорошо заплатят.

— Ты чего? Хочешь продать меня? — взвизгнул ошеломлённый Лёха. — Не получится!

— Красотуля моя, ты не знаешь себе цены! — В голосе женщины слышалось снисходительное восхищение.

— Зато я знаю, сколько тебе влепят за похищение человека, ведьма! — выкрикнул Лёха, не сдержавшись.

— Уж больно ты хорош. Красивый экземпляр.

— Ты, тётка, не дури. Выпусти по-хорошему.

Лёха подпрыгнул, пытаясь ухватиться за мохнатый подол, но Кария больно ударила его ботинком по руке.

— Не шали, малыш, — сердито прикрикнула она. — Я женщина безжалостная: пикорам скормлю. Ни костей, ни паспорта не останется!

Кария с силой захлопнула крышку люка — Лёха едва успел отдёрнуть руку.

Фраза «тебя обязательно купят» сверлила мозг. От мысли, что его можно продать, как какого-нибудь щенка, у Лёхи вскипала кровь. Он остервенело заметался по каморке, с кулаками бросаясь на дверь и стены. Он не мог поверить, что оказался в настоящем плену.

«Бред какой-то», — время от времени поскуливал он, лелея слабую надежду, что утром всё встанет на свои места и надо просто выспаться. Эту мысль подпитывало то обстоятельство, что все жители разговаривали на русском языке. На другой планете не могут быть точно такие же люди, да ещё и говорящие по-русски. Нет, определённо, надо просто выспаться!

Растянувшись на топчане с намерением уснуть, он вскоре понял, что и это не получится. Нестерпимо ныли полученные травмы: расцарапанные ладони, шишка на лбу, синяк на руке, только что оставленный ботинком Кариин, и отбитый бок. Но больше всего заснуть мешала бессильная ярость, приправленная страхом неизвестности. Лёхе казалось, что от этой ярости у него сейчас лопнет голова.

Он злился на девчонку, на её мать, а больше всего — на себя. Какого чёрта он оказался на другой планете, да ещё и не помнит, как сюда попал? На кой его понесло в этот дом с красной крышей? Испугался девок из центра развлечений... Дурак! Кретин! Жалкий лох! Тётка обманула его, развела, как лоха. Красивый экземпляр!

Губы его затряслись, слезинка скатилась по виску и защекотала ухо. Чтобы не разрыдаться, он опять вскочил и, потрясая кулаками, забегал из угла в угол, тяжело рыча, как дикий зверь в клетке. Потом вдруг набросился на топчан, пытаясь перевернуть его, но ножки деревянного настила были глубоко вкопаны в землю.

Зато под настилом обнаружилась кадушка. Лёха достал её, примостил у окна под табуретку и, насколько смог, протиснул голову в нишу с окном, глотая открытым ртом свежий воздух. На дворе уже стемнело, в сизой мгле мелькали силуэты каких-то лохматых фигур. Где-то близко завывали, зарывали звери — судя по рыку, свирепые.

Неожиданно за решёткой, перед самым его носом, разверзлась пасть какого-то чудища. Лёха отпрянул, мгновенно захлопнул раму и забился в дальний угол каморки. Парня потряхивало, в груди появился неприятный холодок, а уверенность, что утром всё прояснится, мгновенно испарилась.

Вдруг люк на потолке открылся, и в ореоле тусклого света показалась голова. Лица не было видно, и Лёха на всякий случай затаился. Когда человек заговорил, стало понятно, что это Сильма.

— Алексей, — шёпотом позвала она, — я спущусь к тебе. Только обещай, что маме не расскажешь.

— Спускайся давай, — отозвался Лёха усталым голосом, намереваясь взять Сильму в заложницы.

— А ты потом поможешь мне подняться обратно? — наивно спросила девочка.

— А как же? Я не только красивый экземпляр, но и благородный, — притворно согласился он.

У Лёхи прямо зудело сорвать на ком-нибудь злость, но, когда девочка легко прыгнула к нему, протиснувшись в небольшой люк, парень только и подумал: «Какие они тут все прыгучие». При этом он вспомнил Силайсу — как она легко перепрыгивала через коряги.

Сильма зажгла фонарик и повесила на крюк, торчавший из стены подле настила.

— Мама тебя уже продаёт, — бодрым голосом радостно поведала девочка.

— Без родословной? Не купят, — сухо отреагировал Лёха, рассматривая открытое отверстие в потолке и прикидывая, пролезет он в него или нет.

— Купят, — глухо сказала Сильма и вдруг погрузилась. — Нам очень нужны деньги. Очень!

Сильма прислонилась к стене, спрятав за спину руки. Плечики девочки приподнялись, губы поджалась. Она не отрывала взгляда от Лёхи.

— Деньги им нужны... — криво усмехнулся Лёха, отказываясь от попытки пролезть в люк: отверстие было маловато. — Так пусть мамаша твоя почку продаст.

— Нам нужны большие деньги, — невозмутимо объясняла Сильма. — На мою учёбу, — добавила она убедительным тоном, как будто этот довод оправдывал всё.

— Ты хочешь сказать, что за твою учёбу заплатят мной? — резко повернулся к ней Лёха.

— Ну да! — бесхитростно ответила девочка.

Этот невинный возглас довёл Лёху до бешенства.

— А вот шиш вам! — свирепо рыкнул он, схватил девчонку за плечи, встряхнул её и зло зашептал в ухо: — А ты не боишься? Не боишься сообщать мне такие ужасные новости? Я могу сейчас просто связать тебя и спокойно уйти.

Сильма не вырывалась, не кричала — похоже, она даже не испугалась. Она быстро выпалила:

— Там везде пикоры. Ты не сможешь сбежать. Они тебя растерзают.

Лёха ослабил хватку — поверил, вспомнив пасть в окне. Пресловутых пикор боялась и Силайса.

— Ну-ка быстро объясняй: кто такие пикоры?

Сильма высвободилась, присела на топчан — уходит она явно не собиралась — и сказала:

— Ну, зверюги злые, с огромной пастью и острыми клыками.

Девочка изобразила страшного зверя: оскалилась, прищурила глаза и растопырила скрюченные пальцы.

— Типа тигров? — предположил Лёха.

Он сел рядом, собираясь выведать у девчонки побольше.

— Не знаю, какого типа, но они очень свирепые, — как ни в чём не бывало объясняла Сильма.

— Ладно, допустим, сбежать я не смогу, — почесал затылок Лёха. — Но я могу взять тебя в заложницы, и твоей маме придётся...

— Да! — радостно воскликнула девочка, блеснув глазами. — Я как раз за этим и пришла.

— Поясни.

— Ну, чтобы ты взял меня в заложницы.

— Ха! — вырвался у Лёхи удивлённый возглас.

Он игриво толкнул девчонку плечом.

— Так выпусти меня. Заложница должна слушаться хозяина!

— Не могу, мама ключ спрятала.

— Не могу... козявка малолетняя, — разочарованно бросил Лёха, вспоминая, как она присела у дороги. — В заложницы захотела... Ты книжку читала про «береги честь смолоду»?

— Неа, не читала. А зачем?

Сильма запрыгнула на табуретку, выглянула в окно.

— А ты женись на мне, — вдруг блаженным голосом сказала она.

— Щас! — грубо рявкнул Лёха. — Не хватало мне ещё статьи. Дверь открой!

— Но если я тебя отпущу, маме будет нечем платить за моё обучение, — в голосе Сильмы прозвучало искреннее удивление.

Лёха посмотрел на девчонку недоумённо: нормальная ли она?

— Да на фиг тебе учёба? — сказал он. — Ты же настоящая дикарка.

— Мама хочет, чтобы я училась и жила в столице, — вздохнула Сильма.

— А сама ты чего хочешь?

— Я хочу на вашу планету, — произнесла девчонка, мечтательно улыбаясь, и шёпотом добавила: — Там много мужчин...

— А зачем тебе много?

Она замялась, почесала под носом, по-детски завертела головой, как-то неестественно вывернула ладони.

— Ну, чтобы семья была нормальная...

— Так одного мужика хватит.

Сильма разволновалась, глядя Лёхе в лицо, она громко, возмущённо выкрикнула:

— Да здесь мужчины нарасхват! Дефицит. Всем не хватает.

— Ты не поверишь, — ухмыльнулся Лёха, — они везде нарасхват.

Сильма снова переместилась на топчан.

— На Поркусе мужчин полно, — она опять заговорила тихим, мечтательным голосом.

— А что такое Поркус? — поинтересовался Лёха. — Просвети-ка меня.

— Смеёшься? — хихикнула девчонка.

Ей не сиделось на месте.

— Сам же с Поркуса...

— С какого, к чёрту, Поркуса? Что это за ругательство?

— Это не ругательство, — противным высоким голосом засмеялась Сильма. — Это ваша планета. Мы-то живём на Лингоре, а вы-то — на Поркусе.

— Ты хочешь сказать, что на Лингоре живут только женщины?

— Сам знаешь.

Она привалилась спиной к стене, вытянув длинные ноги.

«Интрига всё больше возбуждает». — Лёху бросило в жар.

Он соскочил с настила, зашагал по комнатке, то и дело ероша длинные волосы.

— Та-ак! Какие ещё будут киндерсюрпризы? — спросил он, склонившись над Сильмой.

— Я влюбилась в тебя, — выпалила Сильма и закрыла лицо руками.

В полутёмной каморке не было видно, как пылают её щёки.

«Это мне на руку», — хладнокровно подумал Лёха.

— Ключ принеси, — сказал он, — и я увезу тебя... на Поркус, если захочешь. Клянусь!

— Не-ет! — капризно протянула Сильма. — Меня мама убьёт! Мама из-за денег кого хочешь убьёт. Ты же капитал. Тебя продадут или... сам скажи маме, что женишься на мне. Скоро мне будет шестнадцать, можно замуж выходить. А за кого, спрашивается? Туристов к нам не пускают — спецобъект рядом. Сюда только пилоты прилетают, а они все заняты. Где мне мужа-то искать? В столице больше шансов выйти замуж. Можно, конечно, выйти замуж заочно, с помощью электронной свахи, но это не прикольно.

Лёха возразил:

— Наоборот, классно. Вполне передовая практика. Заочная жена — виртуальные обязанности.

Сильма скорчила кислую мину.

— А чего хорошего? Ни обнять, ни поцеловать. Вот, например, мамин заочный муж, мой папочка. Видимся один раз в месяц по спецсвязи: привет — как дела — нормально — пока. Вот и весь папочка. Можно аватара вместо себя оставить для разговора. Денег присылает только на еду. На учёбу не даёт. Безвылазно сижу в Кургуре — тоска. Одного брата уже забрал на свою планету и Ватана скоро заберёт у бабушки. А я тут навечно останусь.

Их беседа неожиданно прервалась: в люке на потолке показались две стройные ножки. Через секунду владелица этих ножек уже стояла на деревянном настиле. Гостя сразу же набросилась на Сильму:

— Что ты тут делаешь? Я приехала, а ты меня не встречаешь. Чем таким важным занята?

Это была хрупкая девушка небольшого роста. Её аккуратная темноволосая головка гордо сидела на точёной шейке. Бровки трогательно сдвигались, когда она возмущалась, глаза блестели в свете фонарика и, казалось, отливали золотом.

Гостья наконец заметила Лёху.

— Кто это? — с изумлённой, любопытной улыбкой спросила она, отстраняя Сильму.

— Мужчина, — сделав загадочное лицо, шаловливо произнесла Сильма. — Это я его нашла.

— Реальный? — недоверчиво воскликнула девушка. — Новый пилот?

— Турист.

Сильма направила фонарик на Лёху и спросила у гостьи:

— Красивый?

— Красивый, — согласилась та. — Породистый.

Лёха стоял, привалившись к стене, и чувствовал себя болонкой на выставке собачек. Едва сдержался, чтобы не тявкнуть.

Гостья и Сильма внешне были похожи друг на друга, и он догадался, что новенькая — старшая сестра Сильмы. Девушка была милой и обаятельной, настоящей куколкой с открытым наивным взглядом и белозубой улыбкой. Но Лёха подумал, что нельзя обольщаться их простодушной, откровенной красотой. Никому не известно, что творится в голове у этих обаятельных особ.

Девушки продолжали общаться между собой, словно Лёха был здесь предметом неодушевлённым.

— Откуда он в наших краях взялся? — спросила незнакомка.

— С Поркуса прилетел, — уверенно ответила Сильма. — Мама его спрятала.

— А зачем спрятала?

— Хочет продать, чтобы меня отправить на учёбу. Не только же тебе такое счастье!

По тону Сильмы чувствовалось: она обеспокоена появлением соперницы.

— Продать? — удивилась гостья. — Наша мама с ума сошла? Это противозаконно! Это невозможно.

— А вот и возможно! Мама уже нашла в Сантэли покупателя из центра развлечений и ведёт с ним переговоры.

— Видно, наша мама сама захотела в клетку на карантин, — недовольно проворчала гостья, всплеснув руками.

Она прыгнула с настила и вплотную подошла к пленнику.

— Да, девчонки, — включился в разговор Лёха, глядя незнакомке в глаза, — ваша мама совершила преступление. Но пока не поздно, спасите свою мать — выпустите меня. А то огребёт она по полной программе, и светит ей небо в клеточку за похищение человека.

Незнакомка разглядывала парня с блаженной улыбкой. Её глаза с расширенными зрачками блуждали по его плечам, шее и лицу с таким восторгом, что Лёхе стало не по себе.

Он оторвался от стены, шагнул на топчан и решил попытать счастья — пролезть в открытый люк. Подпрыгнув, смог ухватиться за край, опереться локтем снаружи и просунуть голову в дырку. Люк вёл в знакомую комнату с сундуком и гамаками. На полу лежал скомканный серый половичок, в углу стоял зажжённый светильник с серым сферическим абажуром, оформленным кругами, похожими на лунные кратеры.

Из-за широких плеч и развитых бицепсов Лёха не смог просунуть в люк вторую руку и отказался от этой затеи. К тому же девчонки повисли на нём и стащили вниз. Однако ему удалось захватить трофей — половичок.

— Даже не пытайся бежать, — сказала незнакомка с очаровательной улыбкой. — Всё равно не сможешь уйти: во дворе пикоры. Мама выпустила всех. Они у нас, знаешь, какие хищные и стремительные. Мама их не кормит, звери сами охотятся по ночам на бурелимов, но

и тобой не побрезгуют. Не заметишь, как окажешься у них в желудке. И потом... мы не хотим добровольно отпускать удачу.

Девушка снова кокетливо скользнула глазами вдоль его торса.

— А зачем вы так рискуете, хищников используете? — спросил Лёха.

— Защита от ночных бурелимов, — ответила гостья. — Ночью мы спим и не можем отгонять полчища этих тварей. Ты на всякий случай, как стемнеет, окно закрывай, а то проснёшься весь обглоданный. У вас на Поркусе нет бурелимов, поэтому имей в виду: бурелимы сгрызают всё, что попадаетеся им на пути. А пикор они боятся.

Напряжение в голове Лёхи усилилось. Раз ему не позволят сбежать бурелимы и пикоры, значит, надо использовать этих девчушек. Лёхе с трудом верилось, что такие нежные создания могут кому-нибудь навредить. Рядом с девушками в его голове всегда автоматически включалась определённая программа общения. Он сделал ставку на старшую сестру.

Парень посмотрел ей в глаза и проникновенно сказал:

— Ты очень красивая. Но что красота без доброты? Сделай доброе дело: выпусти меня. Я готов выполнить любое твоё желание, если вытащишь меня отсюда.

При этом он ласково приобнял её.

— Любое-любое? — не поверила девушка, но глазки у неё игриво заблестели.

— Только скажи, чего ты хочешь, — добавил Лёха, зная, что эти волшебные слова при общении с девушками способны творить чудеса.

— Чего я хочу? После освобождения всего человечества... любви, конечно! — засмеялась старшенькая.

Сильма наблюдала за развитием событий, и ей совсем не понравилось быть третьей лишней. Всё это время она аккуратно складывала половичок, который Лёха стащил сверху, и бурчала себе под нос:

— Цинковку ты не получишь. Это моя цинковка.

Лёха, не обращая внимания на Сильму, сосредоточился на её сестре.

— Как тебя зовут, красавица? — спросил он.

— Меня — Хелия. А тебя как?

Лёха назвал своё полное имя:

— Алексей Казановский.

— Возьмёшь меня в жёны, Алексей Казановский? — озвучила желание Хелия. — Тогда мама отпустит тебя.

— Возьму, но сначала свобода, — сразу согласился Лёха.

Он часто раздавал обещания девушкам, зная, что, как правило, одного обещания бывает достаточно, чтобы вызвать восторг и полное доверие. И сейчас Лёха начал привычную игру, но Сильма всё испортила.

— Нет! — вдруг взвизгнула она и набросилась на сестру с кулаками. — Он уже мне обещал — когда я вырасту!

В голосе Сильмы слышалось отчаяние обманутого ребёнка.

— Сначала вырасти, — с негодованием оттолкнула её Хелия. — А сейчас уходи. Ты здесь лишняя.

Младшую сестру затрясло от такого предательства.

— Это я его нашла! — закричала она с выпученными злыми глазами. — Он мой! У тебя уже есть жених!

— Нет у меня жениха — то однопартиец. Уходи, а то я маму позову.

— А я тогда расскажу, что это ты зимой вывела из зоны карантина Силайсу и что из-за тебя у мамы были проблемы.

Лёха, досадуя, что игра пошла не по плану, недовольно наблюдал за перепалкой между сёстрами. Но, услышав знакомое имя, не удержался и спросил:

— А кто такая Силайса?

— Преступница на карантине, — выкрикнула Сильма, скорчив презрительную мину.

— Она не преступница, — запальчиво возразила Хелия. — Она политическая. Она из оптимистов. Слышал про оптимистов?

— Конечно. Это люди, которые берут пример с лягушки и верят, что лапками можно масло взбить и не увязнуть.

— Оптимисты — это люди будущего, — с жаром воскликнула Хелия. — Они хотят справедливости и мира во всём мире. Они мечтают вернуть женщин обратно на Поркус и возродить нормальную жизнь на планетах. Разве ты этого не хочешь?

— Очень хочу! Меня тоже надо вернуть обратно на планету.

Лёха обхватил плечи Хелии и пристально посмотрел ей в лицо.

Глаза девушки светились праведным огнём.

— Оптимисты — лучшие люди нашего мира. Они готовы отдать свои жизни ради правды, справедливости и восстановления гармонии.

Лёха боялся этого огня в людях. Он неоднократно замечал: когда в глазах загорается «праведный» огонь, человек уже не способен воспринимать альтернативные идеи или разумные доводы. Он идёт к цели напролом, не обращая внимания на изменившиеся условия, на страдания близких. И только одна сила способна остановить его — сила, которая погасит этот огонь.

Надо было срочно успокоить Хелию и продолжить переговоры.

— Девчонки, девчонки, наплевать на оптимистов, — скороговоркой выпалил Лёха и поцеловал Хелию в губы.

Хелия замолкла и сразу же забыла про оптимистов. Младшая сестра тоже потеряла дар речи — добыча ускользала от неё.

Лёха уже понял на какие болевые точки можно давить. Он как ни в чём не бывало продолжил разговор:

— Вернёмся к вопросу о справедливости. Разве справедливо, что меня лишили свободы и удерживают в плену? Отпустите меня, а я вас познакомлю с крутыми парнями: у меня полно неженатых друзей.

Младшенькая недовольно поджала губы.

— Мы не можем отпустить тебя без маминого разрешения, — зло сказала она. — Мама такая безжалостная стала, она лишит нас содержания.

Хелия, наоборот, расцвела и, довольно улыбаясь, радостно прощбетала:

— Я скажу маме, что ты на мне женишься, и она сама тебя отпустит. Или... в крайнем случае даст тебе тюфяк, а то жестковато у тебя. Чего ты ещё хочешь? Хочешь цинковку?

Она вырвала половичок из рук Сильмы и сунула Лёхе. Сильма вскрикнула от такой наглости, да так и осталась стоять с открытым ртом — вся красная и злая, готовая наброситься на сестру с кулаками. Лёха поторопился вернуть ей половик, чтобы она успокоилась и не мешала переговорам. Надо было срочно погасить назревающий скандал, и он попросил позвонить.

Хелия протянула парню левую руку.

— У меня майфон. Звони.

Лёха озадаченно смотрел на зеленоватый прямоугольник на руке Хелии. Экран просвечивал под кожей чуть ниже сгиба локтя. Парень почесал затылок и вдруг понял, что не помнит ни одного мобильного номера, даже номера матери. Раньше, если надо было позвонить, он выбирал контакт под именем «Мать», а сам номер не удосужился запомнить. Надо же себя так подвести: не знать, как позвонить матери, — это уж слишком.

Он вспомнил номер экстренной службы спасения — 112 — и назвал его.

— Номер сто двенадцать не идентифицируется, — ответило устройство.

Тогда Лёха, ни на что уже не надеясь, продиктовал номер неотложки, который помнил наизусть, так как часто вызывал бригаду врачей для матери, страдающей астмой и гипертонией. Этот номер тоже не сработал.

Сильма заметила, как огорчился Лёха. Она уже немного остыла и, чтобы перетянуть внимание на себя, сунула парню в руки половичок.

— Возьми циновку, я тебе дарю, — сказала она, с неприязнью поглядывая на сестру. — Я сама её сплела, — добавила девчонка, делая акцент на слове «сама».

Шквал раздражения вдруг захлестнул Лёху. Чего она лезет? Поведение Сильмы, невозможность позвонить и особенно этот дурацкий половичок вывели парня из равновесия. Он отшвырнул тряпку в сторону и зажал одной рукой шею Сильмы удушающим приёмом.

— Всё, баста! — истерично выкрикнул он. — Не хотите по-хорошему — будет по-плохому. Я прибью её, если немедленно не откроете дверь. Зовите свою мамашу.

Сильма захихикала: она восприняла агрессию парня как игру. Но Хелия была серьёзна.

— А ультралуч в лоб не хочешь? — строго сказала она. — Мамино любимое оружие. Будешь два дня корчиться и в себя приходить. Ультралуч настроен на пикор, а человека и убить может. Не советую так шутить. Отпусти сестру. Далеко всё равно не убежишь. У тебя ни оружия, ни охраны, ни билайнера нет. Отпусти Сильму немедленно, обманщик.

Лёха со злостью оттолкнул девчонку, но не потому, что испугался угроз, — просто понял: он не сможет причинить ей вред.

Со двора донеслись голоса, и девчонки всполошились. Помогая друг другу вылезти, они быстро исчезли в дырке люка, просачиваясь в неё, словно осьминоги. Крышка на потолке захлопнулась, но фонарик они впопыхах забыли, и Лёха, погасив его, спрятал под настил.

— Держи, — услышал он через некоторое время голос Кари.

Что-то тяжёлое плюхнулось на топчан и скатилось на пол. Лёха нащупал в темноте бутылку с водой.

Продать туриста оказалось не такой простой задачей. По крайней мере, ни через день, ни через три покупатель не объявился. И обещание парня жениться на Хелии тоже не привело к желаемому результату. Кария не поверила Лёхе и планировала извлечь из ситуации наибольшую выгоду.

Лёха сидел в душной темнице и очень страдал. Кормили скудно: в основном сухими хлебцами, а раз в день приносили кисловатый пирог — турсеп. Поили вдоволь. Кроме воды, дважды в неделю давали четверть стакана вкуснейшего напитка под названием тэквойя. Этот напиток придавал Лёхе сил и улучшал настроение. Девчонки говорили, что тэквойя — эликсир жизни и во всём мире считается самым ценным и дорогим напитком. По их словам, парню давали тэквойю, чтобы он не потерял «товарный вид» и выглядел здоровым и сильным.

Один раз Лёху заставили намазать лицо кремом для бритья, и вся щетина вместе с кремом осталась на тряпке. После этой процедуры усы и борода у него не росли больше месяца.

Вместо обещанного тюфяка Кария бросила ему в каморку большой комок коричневых фланелевых тряпок, выкроенных в форме гигантских листьев. Лёха скатал несколько полотен в рулон и приспособил вместо подушки, а оставшиеся куски ткани связал между собой и получил подобие одеяла.

Гулять его не выводили, опасаясь, что он сбежит. Иногда в окно кидали шланг, чтобы Лёха смог ополоснуться прохладной, довольно дурно пахнущей водой. Вода стекала в отверстие в углу комнатки, но на полу всё равно оставалась грязная лужа, которая долго не высыхала.

Днём в подвале стояла невыносимая духота, и только ночью наступала относительная свежесть. Каждый вечер Лёха вставал на табуретку, прижимался лицом к решётке и долго

смотрел в незнакомое ночное небо с огромными звёздами. Особенно его интересовала яркая планета бирюзового оттенка, похожая на Луну, но девчонки называли её Поркусом.

С наступлением полной темноты по двору начинали шнырять какие-то существа размером с большую кошку. В темноте Лёхе казалось, что у этих тварей шесть ног. Он слышал звуки и вопли жестоких схваток. Вспоминал предупреждение про бурелимов и с сожалением закрывал окно.

Иногда шли сильные дожди, и тогда через оконные щели вода просачивалась в подвальныйчик. Она покрывала весь пол и долго не уходила в сточное отверстие. Лёха в такие моменты пугался, звал на помощь, требовал немедленно поднять его наверх, но Кария не обращала внимания на вопли. В эти дни ему приходилось сидеть на деревянном топчане и надеяться, что подвал не затопит доверху.

Частенько вид из окна загораживали какие-то бочки: они опускались откуда-то сверху, а через некоторое время неизменно поднимались обратно. Однажды ему показалось, что похожая бочка летит в небе, а внутри неё находится человек. Волосы у человека развевались от быстрого полёта, а в руках вместо метлы было весло.

«Баба-яга с веслом», — равнодушно подумал Лёха.

Он уже ничему не удивлялся: ни тому, что люди летают в бочках, ни шестиногим бурелимам, ни огромным серым отвратительно пахнущим хищникам, которые по ночам пробежали мимо его окна. Попытки объяснить себе эти странные видения помимо воли приводили к мысли, что коварная Кария могла подсыпать ему в пищу психотропные средства, вызывающие галлюцинации.

Когда он так думал, то мог целый день ничего не есть, но галлюцинации не исчезали, а голод брал своё, и вечером парень съедал всё принесённое днём. Лёха мечтал о побеге и затаился в ожидании подходящего случая.

Чтобы чем-нибудь занять себя, он выклянчил у девчонок музыкальный инструмент, который заметил в комнате ещё в первый день. Инструмент назывался читалина и был похож на половинку сосиски, разрезанную вдоль. Лёха, ещё в восьмом классе научившийся играть на гитаре, возился с читалиной с утра до ночи, поэтому быстро освоил несколько аккордов и переборов. Валяясь на деревянном настиле, он целыми днями распевал песни, чем приводил сестёр в восторг, а их мать — в негодование.

— Хватит выть, голова трещит, — ворчала Кария, но читалину не отбирала.

— Песенка заядлого холостяка, — объявлял назло ей Лёха и орал во всё горло:

Ты не нужна мне. Мне не нужна ты!

Какое счастье — мы не женаты.

Какое счастье, что я свободен!

Назло оденусь не по погоде.

Я без тебя

Приду домой и без вопросов

Зажгу на кухне, чтоб согреться, все конфорочки.

Я стопочку налью без спроса —

И не увижу недовольной мордочки.

В буфетике обшарпанном пошарю,

Салыца с прожилками достану из-за форточки.

И до хрустящей золотистой корочки

Я сам себе картошечки нажарю.

Ты не нужна мне. Мне не нужна ты.

Тебе не так всё: то я лохматый,

То я небритый, то не по моде.
Какое счастье, что я свободен!

Ты не нужна мне. Мне дёшираки —
Твои котлеты и бешбармаки.
И твоей маме я неугоден.
Какое счастье, что я свободен!

«Ты не нужна мне», — почти рыдая,
Кричу я ночью, кулак кусая.
Но без тебя я не засыпаю.
Какого чёрта я так страдаю?!

Я без тебя
Приду домой и без вопросов
Зажгу на кухне, чтоб согреться, все конфорочки.
Я стопочку налью без спроса —
И не увижу твоей милой мордочки.
В буфетике обшарпанном пошарю,
Сальца с прожилками достану из-за форточки.
И до хрустящей золотистой корочки
Я для тебя картошечки нажарю.

Лёха потерял счёт тягостным однообразным дням. Каждый вечер перед сном мысли начинали свою бесконечную карусель: то он боялся, что завтра его кто-нибудь купит и за ним придут, то тщетно пытался вспомнить, как его занесло на эту планету. Он не понимал, как из памяти может выпасть часть жизни, и прокручивал события последних месяцев по несколько раз, надеясь вспомнить тот злополучный момент, когда его жизнь пошла наперекосяк.

Он помнил, что у него были летние каникулы. Обычно на каникулах он набирал много заказов, чтобы заработать денег. Но в этом году, перед дипломом, решил не надрываться, отдохнуть, да и денег вроде стало хватать и на еду, и на одежду. Лёха позволил себе передышку.

Удачно так всё складывалось. Юлька не укатила на дачу, хотя лето выдалось жаркое. Её родители затеяли на даче ремонт, поэтому она с удовольствием осталась в городе. Димка тоже почему-то никуда не уехал, остался дома. Обычно он на всё лето уезжал куда-нибудь на острова. Они втроём отлично проводили время: загорали, гуляли. Кажется, собирались на рыбалку или в театр. Да, они поехали в театр. Почему-то загород. Или, может, на рыбалку? Куда же делись друзья?

В какой момент всё так резко изменилось и он вдруг оказался на чужой планете, в клетке на дереве. Жаль, что нельзя позвонить с планеты на планету. Без мобильного он чувствовал себя совершенно беспомощным, словно у него выбили почву из-под ног.

Заточение затянулось. Хелия и Сильма уговаривали мать оставить парня себе, однако Кария была непреклонна и продолжала искать покупателя. Она боялась продешевить, поэтому заломила слишком высокую цену. Кроме того, ей нужно было шифроваться, быть крайне осторожной, ведь предложение о продаже человека было противозаконным. Сделки срывались одна за другой.

Об этом Лёхе каждый день рассказывали сёстры. Наивные и циничные одновременно, девушки относились к намерению матери продать парня довольно спокойно.

«Конечно, они привыкли держать людей в заточении и отдавать их на перевоспитание за деньги», — думал Лёха.

Он вспомнил, как Силайса умоляла выкупить её.

От сестёр Лёха по крупицам узнавал о жизни на Лингоре. По их словам, в городе Кургур жил персонал, обслуживающий карантинную зону «Волшебный лес». Кария была начальницей колонии, а сам «Волшебный лес» — чем-то вроде исправительного учреждения, где в висячих домиках сидели преступники. Территорию охраняли пикоры — хищники, которые не позволяли заключённым спускаться на землю, а заодно спасали посёлок от ночных грызунов, бурелимов.

Как же ему повезло, что в лесу он не столкнулся с пикорами. А Силайса не побоялась и побежала с ним по земле.

Эта девушка не выходила у Лёхи из головы. Ах, как же она отличалась от прежних его подружек, представительниц племени «чего не сделаешь ради красоты». А Силайса была красива от природы, без всякой косметики. Наверное, и на Земле есть такие же неподдельные красавицы, но многие портили природную красоту неумелым макияжем.

Лёха часто и подолгу вертел в руках подаренный Силайсой медальон и думал: если всё, что говорят про Лингору, правда, то Силайса не сумасшедшая и не преступница. Сердце отзывалось уханьем на любую мысль о ней. Лёха даже стал обдумывать способы её освобождения, хотя сам сидел под замком.

Ничего путного он так и не придумал: двери в подвал никогда не открывались, через люк он не мог выбраться, ночью сбежать из-за пикор было невозможно, а днём к нему никто не приходил — только Кария бросала в люк еду и воду. Лёха ждал подходящего момента, но дни шли, а счастливый случай не подворачивался.

Тогда он решил сделать подкоп под окном. Лёха отогнул лист панели и начал домашними ключами ковырять землю под оконной нишей. Хорошо, что при обыске Сильма не нашла задние карманы, где лежала связка ключей и флешка. Один ключ был длинный, острый и довольно прочный: его рифлёный стержень хорошо входил в почву и отковыривал большие комья глины. Эти комки Лёха втапывал в сырой пол подвала.

Он так увлёкся работой, что не заметил, как открылась белая дверь и на пороге появилась Кария с веслом наперевес. Парень не успел и слова сказать, как мощный невидимый удар отбросил его к стене. Лёха обмяк и потерял сознание.

Очнулся он связанным по рукам и ногам, с заклеенным ртом. Руки и ноги затекли, тело онемело, а левую ступню вообще свело судорогой. Лёха с трудом повернулся на бок. За окном была ночь, но через неплотно закрытый люк в каморку проникал свет. Он замычал, пытаясь привлечь внимание сестёр, однако наверху стояла тишина.

Утром до Лёхи донеслись голоса. В комнату вошла Кария и какой-то мужчина. Появление мужчины испугало Лёху: он подумал, что за ним пришёл покупатель, однако из разговора вскоре понял, что это не так.

— Как поживает моя милая птишка? — игриво спросил мужчина.

— Соскучилась — не знаю как! — проворковала Кария. — Чего привёз?

— Всё, что просила, привёз.

— Харн ничего не передавал? Денег не присылал?

— Кария, сколько тебе денег нужно? Куда ты их здесь тратишь? Харн каждую неделю присылает тебе сотни целлеров — тебе всё мало. Зачем тебе деньги в этой глуши?

— Чтобы вырваться отсюда. На билайнер коплю. Люблю комфорт. На форсмобиле далеко не улетишь. Нет у меня времени целый час добираться до Сантэли, да ещё стоя, иногда и под дождём. А на билайнере вся дорога — пять минут. Чувешь разницу? Давай, Димэн, перекачивай скорее. Сколько мужёнок прислал?

— Пятьсот целлеров. А разрешение тебе дадут на покупку билайнера? С двадцать второй степенью свободы билайнер не положен.

— Мне положен. Я госслужащая. Разрешение можно купить.

— Разрешение будет стоить дороже машины.

— С деньгами как-нибудь разберусь. Лучше скажи, как поживает мой сыночек, мой маленький Олли? Скучает по маме? Конечно, скучает — общаемся один раз в месяц.

— Няньку сломал твой сыночек. Нарушил закон о защите роботов. Харн очень разозлился. Он потратил уйму денег на эту няньку, а теперь ему придётся и за ремонт платить, и штраф за насилие в семье.

— Дожили — теперь законы роботов защищают... Я не удивляюсь, что Олли сломал эту заводную тётку. Отняли ребёнка у матери, отдали кукле на воспитание. Харн, небось, целыми днями на работе, а ребёнка даже некому обнять.

— Олли уже большой, ему твои объятия не нужны.

— А ты-то какой большой! Чего ж лезешь обниматься? А мальчишке всего семь лет.

— Ладно, Кария, не ворчи. Не нами такой порядок заведён. У Олли всё есть. Он, к счастью, живёт с отцом, а не в казарме. Успокойся. Пойдём лучше в подвальчик обниматься. Я тороплюсь, мне ещё к матери заехать нужно.

— Нельзя в подвальчик.

— А кто у тебя там? Признавайся-ка!

— Да залило его. Ливни были.

— Хорошо, давай здесь обниматься.

— Нет, Димэн, девочки вот-вот вернутся. Я вчера отпустила их в Сантэли на праздник Кошельков. Сильме майфон сделают.

— Старшая, Хелия, у тебя такой красавицей становится, — мужчина причмокнул губами. — Сколько ей лет?

— Хелию оставь в покое! Убью! — пригрозила Кария. — Она твоя родная племянница. Даже не думай.

— Ревнуешь? Тогда пошли на чердачок.

— Погоди. Пора кормить «лесных птишек». Надо бы кухню открыть. Форсмобиль мне заряди. Привёз энергоблоки?

— Привёз, привёз. Пошли, заряджу. На чердачок?

— Ах, какой ты нетерпеливый.

— Кария, с тобой и флегматик станет нетерпеливым. Чертовка, как же ты хороша и свежа!

— Ну пойдём, подхалим.

Заскрипели ступени лестницы, голоса стихли.

Всё это время Лёха пытался обнаружить себя, но вместо крика у него получалось только глухое мычание.

Вскоре он услышал, как домой вернулись сёстры. Не найдя матери, они сразу же спустились к Лёхе в подвал.

— Бедняжка, — охала Хелия, изображая сочувствие.

Она достала из-за пояса предмет, похожий на брусок.

— Подержи, — попросила она сестру и наклонилась над Лёхой. — Я отклею плёнку. Мне нужно тебя просканировать.

— Пить, — прохрипел Лёха, когда Хелия, больно дёрнув, сняла липкую ленту с его рта. — Дай воды и развяжи, пока я не окочурился. У меня всё тело занемело.

Хелия отстегнула с пояса фляжку и позволила Лёхе сделать несколько глотков.

— Потерпи немного, — сказала она и шепнула ему на ухо: — Днём не могу, мама увидит. Я приду ночью.

— Развяжи меня сейчас, пока я не превратился в мумию, — взмолился Лёха.

Девушка немного ослабила верёвки и помогла ему сесть. Затем забрала у Сильмы предмет, похожий на брусок.

Из бруска выдвинулась телескопическая трубочка, на конце которой раскрылась полусфера. Лёху ослепила яркая вспышка.

— Что это? — спросил он, зажмурившись.

— Мультискан. Купили в Сантэли.

Хелия направила устройство на парня, удивлённо вскинула брови и не удержалась от восклицания:

— Ой! Ты кто?

— Дед Пихто, — зло крикнул он.

Хелия сделала страшные глаза и тут же заклеила ему рот.

— Что? Что ты там увидела? Что показал мультискан? — заволновалась Сильма.

— Знаешь, сестрёнка, иди-ка ты погуляй. Оставь нас! — неожиданно резко воскликнула Хелия.

— Сама иди гуляй, — заартачилась Сильма.

— Уйди! — рассердившись, приказала Хелия.

— Ещё чего! — Сильма встала в оборонительную позу.

После недолгих препирательств они обе покинули подвал, но и наверху продолжали спорить.

— Не смей больше к нему приближаться! — кричала старшая.

— И ты не смей.

— Он опасен! Он не человек! По крайней мере, не совсем человек.

— А кто же он тогда? Робот? — допытывалась младшая.

— Пока не знаю. Но мультискан его не распознаёт. У него нет личности, паспорта нет.

— У него есть паспорт — татуировка, дракон.

— Нет.

— Как это?

— А вот так!

— Значит, мама зря старается?

— Да, зря. У неё будут крупные неприятности.

— Но он же ест! Значит, он не робот.

— Я пока не знаю! — взволнованно говорила старшая. — На инвитрика он тоже не похож. Но он точно не человек. Смотри: здесь должны быть данные паспорта, а их нет. Вес есть — пятьдесят семь килограммов, рост есть — метр восемьдесят семь. А параметры здоровья не определяются, и дальше пусто. Вообще пусто! Ни имени, ни статуса, ни степени свободы. Он не человек.

— Может быть, он киборг? — предположила Сильма. — Поэтому на нас не реагирует.

Вдруг Хелия ахнула:

— А что, если он из «чистых», непрошитый? А мама его украла... Ой, что будет...

Наверху повисло долгое молчание. Видимо, от такой мысли им обеим стало не по себе.

— Нет, это невозможно, — наконец тихо сказала Сильма. — Это просто миф. Никаких «чистых» не существует.

— Миф не миф, мы точно не знаем, — озабоченно возразила Хелия.

— Может быть, всё-таки робот? — спросила младшая приглушённым голосом.

— Может быть... Если бы это был обычный человек, он бы вёл себя по-другому. Я предложила ему майфон, а ему и позвонить некому. У него нет близких, нет друзей. Он робот. Не смей к нему ходить. Чужой робот непредсказуем и может быть опасен.

— А ты?

— А я должна выяснить, кто он.

— Не развязывай его. Возьми с собой шокер.

— Я сама знаю, что делать. Только не мешай мне.

Заскрипели ступени — Кария и Димэн спустились с верхнего этажа.

— Девочки, не ссорьтесь, — раздался счастливый голос Карины. — Смотрите, кто к нам приехал: наш дорогой Димэн. Что он вам привёз? Новые наряды! Давайте примерим.

— Покажи свой майфон, Сильма. — включился в разговор Димэн. — Ну, вот, теперь браслет носить не обязательно.

Лёха был в шоке от услышанного и злился на Хелию за то, что она не развязала его. И почему она решила, что он не человек? Как она могла принять его за робота? И почему его вес — пятьдесят семь килограммов, когда он должен весить восемьдесят семь? Какой же он киборг? Сама она бездушная механическая кукла, японская каракури-нингё. Он ей докажет. Он всем докажет. Обязательно докажет, что он человек.

Только зачем доказывать?

Он просто отомстит ей, этой каракури-нингё.

Ночью Хелия спустилась к Лёхе в подвальчик. Она обтёрла его лицо влажным полотенцем, убрала кляп и развязала верёвки.

— Отдыхай пока, — сказала она. — Я схожу принесу что-нибудь поесть.

Хелия вернулась с корзиной еды и питья. Лёха первым делом набросился на воду. Он жадно пил, захлёбываясь и обливаясь, затем растирал занемевшие руки и ноги. Всё это время он не поднимал на Хелию глаз и чувствовал себя подавленным и несчастным.

Когда дело дошло до еды, Лёха забился в угол и ел жадно, давясь и кашляя. Время от времени он подозрительно поглядывал на девушку, ожидая, когда же она начнёт выяснять, робот он или нет.

Хелия присела на край топчана и некоторое время молча наблюдала за ним.

— Алексей, — обратилась она к нему, придвинувшись ближе, — почему ты ко мне равнодушен? Я тебе совсем не нравлюсь? Или ты не настоящий человек? Признайся, ты эр-мен? Робот?

Лёха огрызнулся с набитым ртом:

— Я зомби!

— Я ведь красивая? — спросила Хелия, кокетливо склонив голову.

— Ничё так, — ответил Лёха.

— А ты ко мне равнодушен.

— Да нет, — сверкнул глазами Лёха, — я тебя просто ненавижу.

Хелия придвинулась ещё ближе.

— А мне ты нравишься. И я хочу, чтобы ты остался здесь навсегда. Я верю, что ты настоящий человек, а мультискан, возможно, неисправен. Но, пожалуйста, докажи, что ты настоящий.

— Кровь пустить? — спросил Лёха.

— Нет-нет, — улыбнулась Хелия. — Скажи, где твои документы?

— Мои документы — это усы и хвост, — ответил Лёха словами кота Матроскина.

Хелия засмеялась:

— Какой хвост? У тебя нет хвоста.

— А ты проверь.

Хелия достала из корзины бутылку тэквойи.

— Выпей. Восстанови силы.

От тэквойи Лёхе стало легче. Хелия тоже хлебнула напитка и придвинулась к парню вплотную. Они молчали и смотрели в окно, сквозь которое в комнатку проникал бледный свет планеты Поркус. Повисла долгая тишина. Между ними возникла странная неловкость, и Лёха пожалел, что рядом нет Сильмы: та вносила в их отношения сумбур и суету, превращая всё в игру или скандал.

Бирюзовый свет планеты очерчивал на стене профиль Хелии. Лёха слез с деревянного настила, подошёл к зарешечённому окну и забрался на табуретку.

— Странная сегодня Луна, — сказал он, чтобы прервать молчание.

— Это Поркус, — поправила его Хелия.

Лёха не стал спорить. Пусть будет Поркус.

За окном совсем близко завыл дикий зверь. Ему ответил второй, и они завывали вместе. Так общались пикоры. Они голосили попеременно: когда замолкал один, ноту подхватывал другой, а потом снова оба — то на полтона выше, то ниже. В этой дикой звериной песне Лёхе чудилось что-то мрачное и злое. Протяжный вой хищников наполнял его такой тоской, что ему самому захотелось завывать.

— Чего это они сегодня так развылись? — спросил Лёха, готовый расплакаться.

— Брачная пора, — тихо произнесла Хелия.

Девушка тоже подошла к окну. Уткнувшись головой Лёхе в грудь, она легонько провела ладонью по его ноге.

Длинные волосы девушки щекотали ему руку.

«Чего я жду? — подумал Лёха, оглушённый нарастающим воем. — Красивая инопланетянка откровенно соблазняет меня. А вдруг смилостивится и поможет сбежать. Эта кара-кури-нингё... Наслаждайся бытием, паря! В конце концов, и эта тоже пройдёт».

Он вспомнил надпись на своём перстне.

Лёха спрыгнул с табуретки и прошептал:

— Ну, ты меня достала, крошка. Я же не железный.

Он подхватил Хелию и опустился с ней на топчан.

В этот момент наверху хлопнула крышка люка.

Глава 3. Побег

Утром Лёху разбудила Сильма. Она присела на край топчана и, с грустью глядя на спящего парня, проворчала сквозь сжатые зубы:

— Зря ты её выбрал. Зря... Надо было меня выбирать. Я первая тебя нашла, и Хелия тебя не получит.

Девчонка шумно вздохнула, шмыгнула носом, погладила Лёху по плечу и начала тормошить:

— Просыпайся! Алексей, быстрее, просыпайся. Я тебе помогу, хоть ты и предал меня.

— Никого я не предавал, — зевая и потягиваясь, пробормотал Лёха. — А подглядывать нехорошо.

— Я отвезу тебя в город, — перебила его Сильма. — Я отпускаю тебя.

У Лёхи от этих слов сон как рукой сняло. Он откинул тряпичное одеяло и резво сел, боясь произнести лишнее слово, чтобы не спугнуть удачу.

Сильма не шутила. Она подошла к двери каморки и вставила ключ в замочную скважину.

— Только не вздумай бежать — пикоры на воле, — предупредила она, почувствовав его готовность дать дёру. — Делай, что скажу.

Но как только дверь оказалась незапертой, Лёха оттолкнул девчонку и мигом очутился у выхода.

— Дурак! — завизжала внизу Сильма.

Она бросилась за Лёхой вдогонку и спотыкаясь на лестнице, истошно кричала:

— Стой! Не выходи! Там пикоры!

Лёха на этот раз был осторожен. Прежде чем выскочить из дома, он приоткрыл дверь и выглянул наружу. Это его и спасло. На крыльце, загораживая обзор, стояла высокая бочка с широкими бортиками и крючками по периметру, а во дворе перед домом сидел огромный лохматый серый зверь. Нижняя челюсть монстра угрожающе выдавалась вперёд, демонстрируя острые длинные жёлтые зубы. Узкие красные глаза смотрели не мигая, словно стеклянные.

«Пикора!» — сразу догадался Лёха.

Зверь издал раскатистый рык, оскалив верхние зубы, растущие в два ряда. На его рычание откликнулась ещё парочка таких же чудовищ, показавшихся из-за сарая. Лёха быстро захлопнул дверь. Лицо его вытянулось от растерянности, взгляд испуганных глаз на мгновение замер, затем беспокойно забегал в поисках предмета, которым можно было бы заблокировать дверь.

Сильма к этому времени уже поднялась из подвала и, надменно улыбаясь, торжествующе качала головой, словно говоря: «Ну куда ж ты без меня?» Лёха бросил на девчонку свирепый, затравленный взгляд и произнёс сдавленным голосом:

— Ты хотела убить меня, коза!

Сильма даже бровью не повела. Она держалась уверенно и спокойно.

— Сказала же: без меня не выберешься.

Лёха покорно опустил руки и примирительно спросил:

— А с тобой выберемся?

В его голосе звучали нотки сомнения.

— Надо успеть, пока мама не вернулась, — ответила Сильма.

Лёха обречённо развёл руками:

— Ладно, командуй. Надеюсь, ты знаешь, что делать.

Девчонка неторопливо сняла со стены весло и проговорила — сначала с сожалением, потом уже с угрозой в голосе:

— Все уехали на ярмарку, а меня не взяли... Меня не взяли!

Она криво усмехнулась, подошла к двери, открыла её настежь и, увидев монстра, быстрым точным движением вскинула весло, направив широкую приплюснутую часть в сторону пикоры.

— Проваливай, уродец, — грубо рывкнула она.

Лёха не услышал выстрела, но пикора у крыльца издала пронзительный визг, дёрнулась и отскочила в сторону. Сильма, не опуская оружия, подтолкнула Лёху к бочке.

— Забирайся скорей.

— В бочку? — Лёха замешкался.

— В форсмобиль.

Пикоры не уходили. Они сидели неподалёку, готовые в любой момент наброситься, и Лёха боялся, что в бочке станет ещё более уязвимым.

— Забирайся, говорю, — прикрикнула на него Сильма раздражённым, внезапно ставшим скрипучим голосом.

Всё это время она держала монстров на прицеле. Лёха, недовольно ворча: «Ну ты садистка», неохотно залез в бочку. Он догадывался, что это за агрегат: из окна своей каморки уже видел летающие бочки с людьми внутри. Но всё равно не мог поверить, что эта старая замызганная колода, которую Сильма называла форсмобилем, сейчас полетит. Верхний бортик едва доходил Лёхе до пояса, и парень для надёжности ухватился за крючки.

Пикоры, заметив движение на крыльце, двинулись к дому. Сильма остановила их несколькими неслышными выстрелами. Одна из пикор после невидимого удара скрылась за углом дома. Две другие остались, но стояли, покачиваясь и бестолково озираясь. Они были полностью дезориентированы.

В этот момент Сильма, не выпуская из рук оружия, ловко перемахнула через борт форсмобили и встала вплотную к Лёхе. Она повернула браслет на руке, и из него раздался запи-санный голос Кари с командой:

— Летим в Сантэли, квадрат тридцать четыре, владение двенадцать.

В тот же миг разбитая, обшарпанная, местами дырявая бочка резко накренилась, едва не вытряхнув Лёху, и стремительно вылетела из-под навеса. Лёха, держась за крючки, неуклюже присел, придавив Сильму. От испуга его глаза чуть не вылезли из орбит, а из перекошенного рта вырвался вопль ужаса.

Сильма злорадно захохотала и с насмешкой сказала:

— Что, испугался? Держись, не обмочись!

«Вот морда подлючая», — мысленно обозвал Лёха девчонку.

Он потерпит, потерпит и выскажет всё, что о ней думает, когда они приземлятся.

Форсмобиль полетел над «Волшебным лесом». Заросли гигантских граонов тянулись на многие километры. Лёха вспомнил о Силайсе: где-то там, в плетёном домике, она отбывает наказание. В груди снова возникло странное щемящее чувство утраты. Жаль, что он не может ей помочь. Ему очень хотелось увидеть Силайсу, но он знал, что это невозможно.

«Забери меня отсюда», — вспомнил он её молящий взгляд.

Как бы он хотел, чтобы вместо Сильмы с ним сейчас летела Силайса. Но где её искать в этом бесконечном лесу? Он посмотрел на девчонку — эта соплячка вряд ли согласится помочь. Эх, был бы он суперменом — ему всё было бы по плечу! Но сейчас Лёха ощущал себя беспомощным ребёнком.

«Волшебный лес» закончился, и форсмобиль полетел над жёлтыми и зелёными полями, над необычно яркими синими зарослями, разбавленными розовыми пятнами. Вскоре внизу поплыли пейзажи, напоминающие земные: глянцевого бирюзового озёра, отражающие небо, бурлящие речки, петляющие среди валунов, оврагов и цветущих полей.

У Лёхи сдавило горло. Может, врут ему о Лингоре? Но граоны, пикоры и форсмобили совершенно не вписывались в земную картину мира. Пролетающие мимо невиданные машины

с помятыми боками, похожие на огромные тёмные финики, и маленькие серебристые дирижабли тоже являлись убедительным доказательством того, что это совсем другой, чужой мир.

На протяжении всего пути среди зарослей дикой природы встречались проплешины. Это были поселения, окружённые высокими прочными заборами, за которыми рядами стояли убогие домишки. С высоты птичьего полёта хорошо просматривалась планировка таких поселений, которые Сильма упорно называла городами. Эти «города» сверху напоминали круглую дольку апельсина: улицы шли радиально от центра, а в середине всегда располагалась либо площадь, либо самое большое здание.

Неожиданно форсмобиль накрыла тень. Лёха оглянулся: гигантская птица, закрывая солнце, догоняла их. Таких дивных, фантазийных птиц с кудрявыми перьями и длинным пышным хвостом Лёха видел только на картинках в детских сказках. По всем законам физики птица такого размера и с таким хвостом не должна была летать — особенно так высоко и долго, — но она летела и даже догоняла форсмобиль.

«Может быть, на этой планете притяжение меньше, чем на Земле», — нашёл объяснение Лёха, любуясь птицей.

— Радужная киволь! — обеспокоенно воскликнула Сильма и тут же схватилась за оружие.

Большой разноцветный кудрявый хвост птицы развевался, как огромный флаг. Радужная киволь сделала круг над форсмобилем, поднялась выше и зависла над ним, готовясь к решительному манёвру. Лёха увидел прямо над собой её большие когтистые лапы. Он замахал руками, громко закричал, надеясь спугнуть хищника.

Сильма недоумённо посмотрела на него как на дурака и сделала несколько выстрелов из своего «весла». Радужная киволь сразу отстала. Издав гортанный звук, она резко ушла вниз. Вскоре её силуэт скрылся вдали, но Лёха ещё долго не мог успокоиться.

— Ты, наверное, внучка бабы-яги: летаешь в ступе, звери и птицы тебя боятся, — нервно просипел он.

— А кто это — баба-яга? — спросила Сильма.

— Бабка одна вздорная, — отмахнулся Лёха, — такая же непредсказуемая, как и ты. Долго нам ещё лететь?

— Недолго.

И действительно, вдали показался город, растянувшийся у подножия горной гряды вдоль берега океана. На холмах теснились, прилепившись друг к другу, невысокие белокаменные дома с плоскими светлыми крышами. Сверху они напоминали бесконечную ленту домино. Ленты бежали в разные стороны, разветвлялись, образуя запутанные лабиринты. Белые «дорожки» поднимались на горки, спускались в низины и текли, словно реки, окружая главную площадь в центре города. Среди приземистых строений тут и там вздымались в небо тонкие башни небоскрёбов. Они выглядели одинокими и неприкаянными.

Внимание Лёхи привлекли три замка, стилизованные под средневековую старину. Каждый замок был построен на возвышенности и сверкал на солнце так ярко, что слепил глаза. Замки были разных цветов: красный, жёлтый и синий. Самый большой из них, Синий замок, находился на невысоком плато у самого берега океана. В этом строении всё было синего цвета: неприступные стены, многочисленные башни и башенки с высокими ажурными окнами, шпилями и флагами. От величественного сооружения змейками разбежались улочки, по обеим сторонам которых стояли маленькие домики того же синего оттенка. На берегу океана располагался большой порт.

Два других замка находились в глубине города, но с высоты можно было отчётливо увидеть их силуэты. Небо над городом было заполнено скоростными летающими машинами, поэтому Сильма решила опустить форсмобиль пониже. Жёлтый и Красный замки скрылись из виду. Теперь Сильма и Лёха летели почти над землёй, и можно было рассмотреть улицы, дома и даже людей.

Вдоль узких дорог стояли длинные одноэтажные дома с небольшими окнами. С одной стороны от строений тянулась красная дорога с белой полосой, а с другой — синяя с жёлтой полосой. По красной дороге ходили люди, а по синей двигался наземный транспорт: велосипеды, самокаты, странные стульчики без колёс, плавно плывущие над землёй. На стульчиках задом наперёд сидели люди. Прохожих в этот час было немного, но все они были одеты в синее.

На вопрос, почему все в синем, Сильма ответила, что сегодня день Королевы Синего замка.

«Какая странная цивилизация, — удивлялся Лёха. — Как в фильме “Кин-дза-дза!”, где дикость и передовые технологии существуют рядом. И здесь, на Лингоре, деревянные велосипеды, плетёные домики, нищие деревушки с натуральным хозяйством, лабиринты из одноэтажных домов уживаются с летающими автомобилями, уникальными средствами коммуникации, встроенными в тело человека, и новым оружием — ультралучом. При этом на планете живут только женщины и дети, а мужчины-бедолаги остались на другой планете».

Лёха не хотел бы жить в таком мире. Но он был здесь. Как он оказался на Лингоре, он себя уже не спрашивал.

Форсмобиль миновал Синий замок и направился в сторону горного хребта. Местные горы вблизи напоминали гигантские коралловые рифы, которые словно по какой-то причуде природы оказались на суше. Не хватало только рыбок, снующих вокруг гигантских альционарий и актиний. Высокая каменная стена отделяла город от дикой природы.

— Это ваша столица? — спросил Лёха.

— Да, — ответила девочка. — Наша любимая столица — город трёх королей: Синего замка, Жёлтого и Красного.

— Королевы — это ваши правители?

— Нет, — мотнула головой Сильма. — Королевой может стать любая женщина. Наш правитель живёт на Поркусе. Это Карибах, то есть Кари Бабу Хами Бомбир. А королева... Стать королевой — мечта каждой женщины. Я тоже когда-нибудь стану королевой.

В голосе Сильмы послышались завистливые нотки.

— Зачем вам три королевы? — спросил Лёха.

— Так принято. Традиция такая. Каждый год мы выбираем королеву. В прошлом году выбирали королеву Синего замка, в этом выбираем королеву Жёлтого, в следующем будем выбирать королеву Красного. Это конкурс. Кто победит в выборах, та и станет королевой. Она получает высокую степень свободы и три года живёт в прекрасном замке на полном обеспечении, с прислугой и охраной.

Сильма смотрела на Синий замок с восхищением.

— А через три года она опять никто? — спросил Лёха, стараясь перекрычить шум ветра. Девушка вздрогнула, оторвала взгляд от замка и фыркнула. Надув щёки, она грубо сказала:

— Ясно же, что выберут другую. Все хотят побыть королевой.

— Я бы не хотел, — сказал Лёха. — Привыкнешь к роскоши и почитанию, а потом снова в Кургур?

Сильма пожала плечами:

— А о чём тогда мечтать?

— Ну, не знаю, — неуверенно протянул Лёха.

Его лицо стало озабоченным. Раньше, на Земле, он мечтал о деньгах и крутом автомобиле, а сейчас отдал бы всё, лишь бы вернуться домой.

Они пролетели вдоль городской стены, пересекли весь город и теперь приближались к окраине. Одноэтажные дома и огороженные дворики образовывали совсем уж запутанные извилины.

«Куда же мы летим?» — забеспокоился Лёха.

Скоро город закончится, и начнутся непроходимые дебри. А Лёха хотел остаться в цивилизованном месте.

Он перегнулся через борт форсмобилия, чтобы лучше разглядеть окрестности. Место было подходящим для жизни: не очень людное, но и не пустынное. Лёха наклонился к Сильме и крикнул ей прямо в ухо:

— Я хочу остаться в городе. Приземляйся здесь!

Сильма замотала головой.

— Не получится. Я не могу поменять маршрут. Это мамин форсмобиль, и он летит по её маршруту.

Лёха в волнении забарабанил пальцами по бортику форсмобилия и беспокойно переминался с ноги на ногу. Он даже несколько раз подпрыгнул, словно пытаясь прижать бочку к земле.

— Сажай! — настойчиво требовал он, трясая Сильму за плечи.

— Мы почти прилетели, — крикнула она в ответ и повернулась к Лёхе лицом.

Внезапно Сильма опустила глаза, заморгала густыми ресницами. Она отклонилась назад, запрокинула голову, словно подставляя лицо для поцелуя. Волосы выпали из причёски, рассыпались, и ветер подхватил их, затрепал. Губы девушки раскрылись, дёрнулись несколько раз, будто она хотела что-то сказать, но не решалась. На мгновение в её глазах промелькнули сомнение и боль.

— Ещё не поздно, — наконец сказала она очень тихо.

В шуме ветра Лёха не расслышал слов, но смысл поведения Сильмы понял.

— Ты чего? Держись, малышка, — сказал он, дружески похлопав девчонку по спине.

— Ты пожалеешь! — процедила она сквозь зубы.

Затем резко отвернулась, ссутулилась и всю оставшуюся дорогу смотрела только вниз, на землю.

«Эх, выбросить бы её из бочки», — мелькнула у Лёхи шальная мысль. Он это сделает, как только они приземлятся. Осталось недолго ждать.

Они долетели до южной окраины города и зависли над просторным двориком, огороженным с одной стороны стеной дома, а с трёх остальных — высоким каменным забором. Форсмобиль медленно опустился в центре площадки.

Сильму здесь, оказывается, ждали. Лёха напрягся, заметив у стены четырёх женщин довольно крупного телосложения. Рядом с ними в воздухе висел небольшой серебристый дирижабль. Как только форсмобиль с Лёхой и Сильмой коснулся земли, все четыре женщины повернулись в их сторону.

Лёху неприятно поразили несоразмерно длинные руки встречающих.

«Как у орангутанов», — подумал он.

Мускулистые фигуры женщин были втиснуты в тёмно-синие блестящие трико, отливавшие на солнце голубовато-зелёными бликами. В этом облачении женщины напоминали Лёхе лоснящихся сытых пиявок. Костюмы дополняли форменные фуражки ярко-розового цвета с синим блестящим козырьком и ремешком, застёгнутым на подбородке, а также странные, похожие на доспехи розовые юбочки из лепестков длиной до середины бедра. Кроме того, каждая женщина держала в руках дубинку в сине-розовую полоску.

Лёха насторожился: он заподозрил, что это сотрудницы какого-то силового ведомства или охранного агентства. Зачем эти чудища здесь? У парня в груди сдавило от предчувствия надвигающейся катастрофы.

Внезапно все охранницы одновременно привели в движение свои розовые юбочки. Лепестки приподнялись, встали торчком и раскрылись веером вокруг талии, превратившись в нечто похожее на балетную пачку. Это зрелище вызвало у Лёхи приступ нервного смеха.

— Сейчас начнётся танец маленьких лебедей, — пробормотал он сквозь страх.

Полосатые дубинки в руках охранниц не предвещали ничего хорошего, и Лёха истерично крикнул Сильме:

— Улетаем! Заводи свою ступу!

Но Сильма меланхолично ответила:

— А мы приехали.

Не глядя на парня, она выпрыгнула из форсмобилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.